

ШВЕДСКИЙ ДНЕВНИК,
или ЗАПИСКИ
ПУТЕШЕСТВУЮЩЕГО
ПОЭТА

ПАВЕЛ ГОЛУШКО

Минск
Галіяфы
2011

УДК 821.861.1(476)-1
ББК 84 (Бен=Рус)-5
Г62

Голушко, П.
Г62 Шведский дневник, или Записки путешествующего поэта :
поэзия / Павел Голушко — Минск : Голиафы, 2011. — 162 с.

Лирико-философский взгляд из эмигрантского далека в глубины собственного Я. Поэзия возраста мудрости и примирения с разочарованиями.

ISBN 978-985-6906-45-2

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(Бен=Рус)-5

ISBN 978-985-6906-45-2

© Павел Голушко, 2011
© Оформление. ЧИУП «Галіяфы», 2011

Мне выпала честь представить лучшую (на сегодняшний день Рождества 2010 года) книгу стихов Павла Голушко (конечно, мы будем ждать от него новых высот, но уже с этим «шведским дневником» он, несомненно, станет яркой звездой поэзии). В книге собраны произведения, написанные за два года (по большей части в его «добровольном шведском изгнании») в благодатной и живописной шведской глубинке, где «из порвавшихся бус Снежной Королевы» выросли стихи высочайшей пробы, стихи, читающиеся вздохом и на одном дыхании, и за этими строками я слышу приглушенный и возмужавший от времени и страданий голос Павла Голушко; и вдруг я понимаю, что мне посчастливилось встретить настоящего поэта, поэта-странника, поэта-скальда, в стихах которого «дышит почва и судьба». Его новая поэзия — это спокойный монолог, все чаще переходящий в белый стих — оттого, что смысловому содержанию становится тесно в классическом ритме его первых сборников, иногда сам ритм его новых стихов сбивается, как перебои сердца, и «пахнут сумеречной мятой льняные рукава» смерти... В этом сборнике много загадочных стихов, к которым возвращаешься, понимая их новые значения. И несмотря на то, что автор стал все чаще грустить, его грусть светла, потому что «на весах судьбы печаль и радость. Печаль тяжелее, поэтому радость выше».

*Дмитрий Бушув,
член Союза писателей Швеции,
Стокгольм.*

«Свободный полёт. Памяти Руди» — одно из стихотворений Павла Голушко. Я бы назвала весь сборник «Свободный полет». А «Шведский дневник» сделала бы подзаголовком. Свободный полет поэта. Свободного в выборе форм для своих стихов (от классически-рифмованных до белых). Свободного в выборе тем, интонаций, аллюзий и метафор. «Танец чувств и загадочно-трепетных мыслей» — словами поэта говорю о его стихах.

«Шведский дневник» в контексте этого сборника словно определение жанра. Некоторые стихи звучат как заметки на полях, другие — как обратная связь с миром, третьи — как дневниковые записи — пронзительные, трогательные своей откровенностью. Автор постигает мир и записывает свои открытия стихами, порой неровными, но от этого еще более искренними, а порой точными до афористичности. От цепкого взгляда поэта не ускользают «трагедии жизни, комедии смерти»: «завтра рисуется светлым и солнечным, но принять его придётся таким, каким оно наступит» или «мы дарим своё покровительство городам, оставшимся в памяти... ещё по рюмке...»

Я не понаслышке знаю, что такое писательские будни, слова, которые роятся в голове, как улей диких пчел. Слова, которые порой так сложно приручить, а потом отпустить на белый лист. Это действительно непросто — отчуждать текст, когда до тебя, казалось бы, все уже сказано... И, тем не менее, подходишь к столу, садишься и пишешь, как в первый раз, как будто до тебя никого и не было.

К стихотворению «Свободный полёт. Памяти Руди» автор подобрал эпиграф, слова Рудольфа Нуриева: «Я танцую для собственного удовольствия. Если вы пытаетесь доставить удовольствие каждому, это не оригинально». Таков не только лирический герой Павла Голушко, таков сам поэт. Он пишет не для развлечения читателя, он фиксирует свои переживания, «теряя равновесие минут, меняя жизнь на неразменный евро», ведет летопись «через мински, москвы и парижи», чтобы «не потерять дорогу, данную однажды»...

Еще Плавт говорил: «Всякий слышит лишь то, что понимает».

Если потрясти самую толстую книгу академического издания, из нее не упадут никакие смыслы. Смысл возникает только в процессе интерпретации текста читателем. То есть в зависимости от интеллекта читателя, его жизненного и чувственного опыта произведение обретает свой смысл. То, что в литературе кажется важным для одного, другому может показаться совершенно бессмысленным. И наоборот. С жизнью то же самое. Она имеет только тот смысл, который мы ей придаем.

Читайте, слушайте, внимайте... И пусть откроется вам то, что не открылось другим...

*Диана Балько,
поэт, прозаик, драматург,
член Международной ассоциации
писателей и публицистов,
Союза писателей Беларуси,
Союза писателей Москвы.*

Вкакие города занесёт меня судьба своим взглядом
сквозь суматоху знакомых лиц, сквозь череду фантазий и вымыслов?

Главное — не разбиться на осколки и не потеряться в бесконечности космоса, а задержаться обнажённым телом стиха за мгновение до катарсиса... возможно, именно тогда придёт понимание, почему в основе настоящей поэзии лежат трагедия и умение хранить секреты от самого себя... каждый читающий видит своё в написанном, от этого и развивается направление его мыслей вереницей календарных листков и кораблей, прорвавших холсты картин и отправляющихся в бесконечное плавание... ведь мысль не имеет границ, поэтому мои строки рождаются уже влюбленными в читателя...

*Имеющий место быть,
Ваш Павел Голушко*

Раздел 1.

ВЕЧЕРНИЙ СТОКГОЛЬМ

ВЕЧЕРНИЙ СТОКГОЛЬМ

Уже за окном использованный день надевает на себя поношенный вечер, провожая старуху Смерть, идущую по городу в тумане выплывающих из окон душ...

Зажигаю свечи... Открываю окно и получаю пощёчину от Зимы перчаткой из колких снежинок... Морозно...

Город искрит сотнями ёлок и праздничных фейерверков, стремящихся добраться до звёзд... Звёзды гордо молчат...

Выхожу на улицу под ослепительный свет фар, понимаю, чего мне не хватает — лунного света... Поднимаю глаза...

Вижу бутылку «Julmust», нагло выливающую своё содержимое в стакан, и понимаю, что именно так уходящий год передаёт новому всё своё, украшая действие вселенскими красками жизни... сеанс...

вспомнилось именно это блатное слово у Довлатова, как осколок...

мы дарим своё покровительство городам, оставшимся в памяти... ещё по рюмке...

перегорело... нет... тогда ещё... брось, возьми стакан для виски... верно, трезвые крики никому не интересны ни в радиоэфире, ни в пустой квартире... опять сейчас разольюсь по полу словами и всё выложу... никаких тайн... напоказ всё... о влюблённых парах, снежной зиме... о всех четырнадцати островах, на каждом из которых нужно ставить новые декорации в душе и примерять разные маски, избегая взглядов в зеркала... боясь увидеть себя полуумершим... ведь отчаянные попытки жить с надеждой иногда дают сбой...

сейчас благодаря снегу завтра рисуется светлым и солнечным,
но принять его придётся таким, каким оно наступит...
в этих сказочных гирляндах нашей неволшебной жизни...

Здравствуй, Город, я снова иду к твоему Морю...

СИЛУЭТЫ

Изобразишь испуг
Нарочно, напоказ.
Прикосновением рук
Прервёшь банальность фраз.

Изобразишь прищур,
Когда поют для нас.
Подаришь поцелуй
На сером шёлке трасс.

Природы креатив
Обманывает глаз,
На ливневый мотив
Накладывая джаз.

Я нарушаю ритм,
Тебе дарю экстаз.
Тревожным криком рифм
Ломаю пересказ.

Нам эхо серых скал,
Похоже, шепчет: «грусть».
И взгляд пустых зеркал
Известен наизусть.

ОБРЕЧЁННОСТЬ

*В конце августа 1902 года, желая написать книгу о Родене,
Рильке надолго отправляется в Париж...
и на этом резко обрывается «русский» период его жизни...*

Протяну тебе книгу —
Дыхание букв...
Параллельно в дорогу
Врывается звук.

Наши дети — вериги
Жестокий народ.
Триумфальной квадриги
Торжественный ход...

Эта ломкая морось,
Негромкая грусть,
Этот ласковый голос,
Прерывистый пульс.

Безмятежно живущим,
Мной написан ответ...
Эмигрантски ненужным
Я встречаю рассвет.

ЖАННА Д'АРК

...И свершалось всё, не зная меры,
И в экстазе клич гремел к победе.
Какие там придворные манеры...
В бою любой солдат рассудком беден.

Ей сон приснился рано, на рассвете,
В нем белый голубь воспарил над страхом смерти.
И целовал лицо влюблённый ветер,
Извечный спутник всякой круговерти.

От боли тело уменьшается в размерах,
Огонь, что жжёт, не обращает в пепел...
На Рождество всегда твердеет вера,
И юный лик на досках чист и светел.

ЛЕТО В ГЁТЕБОРГЕ

Жизнь черпает сюжеты из липкого воздуха дня.
Жара. Уличные музыканты
исполняют симфонию уходящего лета.
Потный художник, сидя на земле,
рисует картины баллончиками с краской.
Тает время и деньги, и кони полицейских
медленно перебирают копытами
жар плавящегося асфальта,
с мольбой взирающего на фонтаны.
В дрожащем мареве смешивается солёное дыхание близкого моря
и ароматы косметики улыбающихся шведских дам.
Крики чаек превратились в стоны,
и пена каналов пытается изобразить
облака на отражённом небе.

ТЫ НЕ МОЯ ЗВЕЗДА

Доверчивое «да», звучит хвалой мотив.
Мгновений ерунда. Соперник некрасив.

И не беда снега — не через то бродил.
Пусть робкая весна, с дрожаньем тонких жил...

И слов твоих каскад, и мегаполис сник.
Не больно-то и рад, ведь я не я — двойник.

На улице дожди уверенно идут.
Устал от «подожди» с колючками минут.

На столике свеча и путается слог.
Печаль-фитиль, шепча, горит финалом строк.

Скажи, дружок, где Бог?.. Ты, верно, пошутил...
Раз опоздать не мог — знать, просто не любил.

Большие города... я сам себя скроил...
Ты не моя звезда, я не тебе светил.

СКВОЗЬ ЖИЗНЬ

Где тот тёплый заботливый дом,
Там, где бабушка ждала из школы.
Там, где детства дописанный том,
Грустный мальчик с собакой весёлой.

Жаль, что мне это всё только снится,
Вздоргнет кот, потревоженный стоном.
Я хочу неба детства напиться,
Не стесняясь слезы пред амвоном.

И любовь в нашей жизни другая,
И мечты наши — рухнувший терем.
Все приняв и стерпев, но страдая,
Знаю я, что судьбе буду верен.

Встанет радуга гибким мостом,
Цвет один удалив невесомый.
Обернусь я блокнотным листом
Для любимых, родных, незнакомых.

ВЕЧЕР

На сто вёрст вокруг
Тишина лежит.
А проснётся звук,
Надо мной кружит.

Замечаешь вдруг,
Как ручей бежит.
Самый лучший друг
Всею душою спешит.

Достаёшь к столу
Недопитый джин.
Прямо на полу —
На, старик, держи.

Протрезвел мой друг,
Да нутро дрожит.
Из холодных рук
Жизнь водой бежит.

А камин-очаг
С треском хворост ест.
Длинный день зачах,
Ни души окрест.

Темноты испуг
На лице мужчин.
Заколдован круг
Часто без причин.

Внешне? — не взыщи,
В облаке седин.
Больно — помолчи,
Странствую один.

Телефон молчит.
Фонари в окно.
Тихо дверь скрипит,
Падаем на дно.

Эх, сердечный друг,
Жить не вмоготу.
Жжёт меня недуг,
Тянет в пустоту.

Как ни тяжек крест,
Но ведь волочучу...
Скоро моя смерть
Хлопнет по плечу.

ЭМИГРАНТАМ

Влетая в страны,
вживаясь в дома,
вплетаясь в ритм жизни,
залечивая рваные раны эмиграции,
испытывав очередную встряску
пострашнее землетрясения,
мы создаем равновесие.
И это не попытка самовозвыситься —
это попытка взлететь,
не потеряв самообладания,
превозмогая боль в крыльях.
А если кому-то не хватит сил долететь,
пусть сядут отдохнуть на тающую льдину,
под мелодию дождя или ветра.
И поймут, что теперь будут ЖИТЬ СПОКОЙНО,
смело выбрасывая из карманов остатки ностальгии,
уже почти растроченные в полёте.

МЫ ПОЛЕТИМ ВМЕСТЕ

Карибских далей манит горизонт,
из старых книг слышны удары сабель,
пусть детства и закончился сезон,
но близок мне пиратский тот корабль...

В полёте мысли облака близки:
я у штурвала яхты, в мягком кресле —
хоть севером подёрнуты виски,
но раздражает звук нескладных песен.

И Фея вечером меня зовёт
в страну волшебную Нетинебудет:
там Крюк замыслил подлый свой поход,
там Питер Пен на перекрёстке судеб...

Пусть это место — на краю земли,
но дети и сегодня сказкам рады:
вновь уплывают в море корабли,
пираты ищут золото и клады...

Пусть малышам пригрезится вдали
волшебный берег — берег Эльдорадо.

РИСУЕМ ЗИМУ

Я нарисую на асфальте снег,
Даря пушистость голубым мазкам.
Хочу, чтоб мой любимый человек
Пришёл ко мне, ступая по холстам.

Пусть город отражает стрелок бег,
Когда пастелью ластится природа.
Год прожитый — как бесконечный век,
Ничем не заслужил признание народа.

Зима — пора и маленькая жизнь,
На время заморозит настроенье.
Судьбы своей рисуя чертежи,
Избавимся от тусклого сомненья.

И в зеркалах сотрём следы судьбы.
Белеет в волосах жестокость жизни.
Мы в ампулах стихов храним мечты,
Их открывая по субботам в мыслях.

СТИХ-СТЕРХ

Стих-стерх...
Сверх — кирпич
Слог.
Я грустный
Смех
Сжатый в смог.
Ищет лоб
Дверь
Сквозь
Пыль дорог.
Затравлен
Зверь
Лежит
У ног.
Гóлоса!
Гóлоса!
Гóлоса!
Хочется
Человечески...
Выстрел
В висок
Звёздный ответ
Вечности.

НА ОКРАИНАХ ЧЕСТНОСТИ

В окне напротив я вижу свет ночника и длинный осколок зеркала... Воздух похож на сыворотку, в которой растворили немного крови и жемчуга... впору отдышаться, потянувшись до хруста, до боли, но слёзы вступили в диалог с лицом, и вкус лета на губах стирает следы твоих поцелуев... я пишу письмо, указывая нереальный адрес, зная, что ты всё равно прочтёшь его, а впрочем, даже если ты не захочешь, то вычеркнуть меня из списка снов у тебя не получится, потому что у меня есть тайна... я готов отдать все поцелуи мира за один твой взгляд, я могу это сделать, и Морфей догадывается об этом, ведь на какие чудеса способны Ангелы, он знает... правда, мой немного ленив, но зато он всегда готов простить. Недавно он поймал эхо, закольцевал его и надел мне на запястье, теперь я никогда не потеряюсь в горах... разрешил мне без омерзения заглянуть в души своих врагов, и я увидел ледяные спирали в бесконечной пустоте... какой холод повторения внутри... их злоба — это, наверное, защитная реакция на потерю чувств и осознание собственной бессмысленности... Ангел рассказал мне, что, даже если им удастся выучить мой язык, они всё равно не будут услышаны, и я никогда не различу их лица в серой толпе, ведь я пишу для себя и для желающих меня читать, им этого не дано...

Ты ведь знаешь, что я живу, стараясь не раздражать других, и не умею лгать, ведь так важно смотреть правде в глаза, а не провожать её растерянным взглядом... даже на окраинах честности.

ВИРТУАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Я снова и снова врываюсь к тебе из портала,
Читая на клавишах блёклые буквы любви.
Пусть нам не дарован тот шум на перроне вокзала,
В душе моей жизнь протяжённостью в тысячи ли*.

Иду по стране, и мелькают чужие кварталы,
Я буду писать тебе даже про капли дождя.
О том, как кареты везут царедворцев в анналы,
И плакать огнями реклам, в никуда уходя.

Ты мой талисман, ты окно на дрожащем экране.
Моя колыбель из подснежников первых апреля.
Я не побоюсь попросить у судьбы подаянья,
И в танце закружат нас чёткие ритмы Равеля.

В последних часах ожидания прощается осень.
Бросаю монету в волну как залог возвращенья,
Глаза закрывая, представляю, как плещется солнце.
И уши заложит от быстрого к счастью сниженья.

* Китайское идиоматическое выражение «10 000 ли» обозначает «очень далеко». Существует древняя китайская поговорка «Дорога в тысячу ли начинается с первого шага».

ДЕНЬ — НОЧЬ

Здесь туман, в Палестине жара.
День-обман под скрипенье пера.

Дальних стран берега близки.
Ударяет тоска в виски.

Словно древний старик океан...
Сквозь тревоги плывёт караван.

Вбило в пряди седую нить.
Смерть, погладив, придёт казнить.

Карих глаз наступила пора.
Ночь отчаянья, звезд мишура.

РОЖДЕСТВО

Интересно, когда придёт старость, она сделает скидку на наши литературные всплески эмоций... оставит ли гордую осанку, чёткие движения, ясный взгляд...

или всё-таки поглумится над нами, пользуясь нашим же словарным запасом, поразит ум трещинами склероза, из-за которых тот станет похож на грязную замёрзшую лужу... оставит лишь молодость мыслей душе...

Жизнь — это послевкусие смерти или горькое лекарство для аппетита...

аперитив перед богато накрытым столом вечности... каков бы ни был ответ, всё же она несправедлива, как капризный ребёнок, упрямый и скрытный... на которого нельзя обижаться...

Вот так и живёшь со словом «подожди!» на пересохших губах... с бесконечными «не уходи», «сложится», «бывает», «не забуду», «дружили», «судьба»...

Вот про судьбу не надо, а то сейчас начнёте рисовать картинку: злой клоун в чепчике скачет на деревянной лошадке эгоистично-беспечной масти и размахивает детским водяным пистолетиком, наполненным слезами...

Откройте окно... не бойтесь, между рамами вы обязательно найдёте спящую божью коровку... внесите её в тепло дома, и, пока она будет просыпаться, сходите в магазин и, купив цветущее сладкопахнущее растение, посадите на него своего жучка...

То, что вы сделали, и есть жизнь, её маленькая капелька в ваших дождях, туманах и утренних росах...

поймайте сейчас в душе чувство от своего поступка
и с ним смело ступайте в объятия Рождественской ночи...

улыбайтесь и не забудьте вспомнить обо мне, когда пузырьки
шампанского будут щекотать вам нос, это мой Ангел-Хранитель
прогоняет от вас, друзья мои, злой вирус грусти.

ЛЮБВИ ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Бреду по улице,
на лужах
хрупкий лёд
трещит.

Я торможу
такси
под крики птиц
галдящих.

Сегодня солнце
вечное
забыло
про зенит,

Вдыхая пыль
планет,
их аромат
пьянящий.

— На почту счастья, —
у любви
там абонентский
ящик,

Ты отвези меня,
таксист,
у входа
подожди,

Вдруг встретятся
опять
два снегиря
пропащих,

Чтобы любить
друг друга,
как в былые
дни.

А воздух зол
и сух,
он, кажется,
звенит...

Сквозь занавес
минут
мне виден
свет скользящий...

И сердце
вдруг притихло,
даже
не болит,

От этой
тишины
щемящей.

Но писем нет...
и пуст
любви
почтовый ящик,

Уходят прочь,
в седую ночь
разбитые
мечты.

Вновь буду жить...
сквозь сон...
унылым
настоящим,

И россыпь букв
весной
покроет белые
листы.

БЛУЖдание

Время убегает в слово «дальше»,
В Зазеркалье, в край обманов,
Тянет нас присесть на Патриарших,
Где Булгакова висят туманы.

Свечи зажжены, подлиты яды
Как всегда не вовремя, но всё же...
И звонок трамвая уже рядом,
Как на остановке в старой Польше.

Наша жизнь проходит в перебежках
От вертепа — к аналою.
И услышав слово «неизбежность»,
Отвечаем непременно злое.

И НЕ В ЗИМЕ ДЕЛО

Иногда хочется послать всё к чертям — выругался...
Эти отблески, звёзды, короны, фантики, молчащий телефон.
И хочется шагнуть за порог, но пальцы липнут к дверям.
Нужно возвращаться, уже куплен билет и сдан ключ.
Ты в очередной раз уходишь, считая это для меня наказанием...
посмотри, справа моя тень тихо замерла рядом...
не пугайся, это в твоём сознании в закате дня мелькнула любовь.
Ну, чего же ты останавливаешься с безумным взглядом,
в котором, как уходящий поезд, мелькает череда воспоминаний...
мы играем с тобой в молчанку никотинового дымка...
языки развяжутся потом, когда нас не будет рядом друг у друга,
ведь мы уже научились прощать за все эти ледяные лунные ночи,
и даже наши ангелы привыкли к боли и просто сжимают
холодными ладонями свои виски...
они просто молча наблюдают за нашими поступками
в этот солнечный день мороза и пушистого инея.
Я задумчиво, нет, скорее лениво, смотрю на тебя,
укутавшись в плед, лишний раз убеждаясь,
что каждое прожитое мгновение оставляет свой малый штрих
на сердце, и не нужно никакого экстракта бессмертия,
оно вытерпит ровно столько, сколько сможет...

В ПОЛЁТЕ

Эхо горького стона
Белёсой полоской по небу,
Печальная песнь перезвона
Борзою стремится по следу.

По свету, сквозь хлябь бездорожья,
Сквозь сон, паутину сомнений,
Склоняюсь головой у подножья
Загадочных нежных мгновений,

Я вновь пробегаю, как кошка,
В надежде поужинать мышью,
Смотрящей на звёзды в окошке.

МОЛИТВА שיידק

Опять бессонница насыпала в глаза песка...
Ртутные капельки мокриц движутся по ванне.
Монотонное «до» в трубке телефона.
На ладони — монетка на счастье...
Куда уже только не бросал их.
Год приготовился уйти навсегда,
и его вопрос «Зачем мне жить?»
выражен в перепутанной зиме,
заблудившейся в ракушках,
вмёрзших в лёд на берегу.
Двуличный мир уважительно подталкивает его под локоток...
И год уходит холодным вечером,
теряя несбывшиеся мечты, в надежде,
что мороз не даст им успеть разочароваться
от стука любящих сердец,
потерявших надежду на встречу...
Он тихо шепчет череду молитв:
устаами матери у колыбели младенца,
губами солдата у Стены Плача...

«Да возвысится и освятится Его великое имя...»

Огонь и лёд чувств... всё дарится теперь в этом мире
в фантиках от конфет... цинично.
Ревностно оберегается глупость, растерявшаяся
под нежнейшими взглядами злейших врагов.
Неоконченными фразами застывают следы на снегу...

«И установит Он Свою Царскую власть...»

- Подари мне вон ту маленькую бутылочку
с надписью «забвение».
- Но, открыв её, ты получишь водопад покоя,
льющийся в кривое зеркало иллюзорности.

Ты увидишь сотни усталых и холодных глаз,
похожих на елочные игрушки,
разбитые словом «разлука».
Вечная скука замерцает в брызгах водопада
призраком, похожим на искривлённые губы
жертвы, целуемые насильником...
И маски, тысячи масок вокруг,
однообразно повторяющие
мерзкую привлекательность пустоты...

«Да будет великое имя Его благословенно вечно, во веки веков!»

Строгие силуэты судей
в мантиях, сотканных из мук невинных жертв
и унижительного хихиканья свидетелей,
в париках из завывающей тоски
и ключев перьев из крыльев Азазеля...
И зрачки откажутся смотреть на всё это,
превращаясь в кровавые бутоны,
подёрнутые инеем смерти,
похожие на согнутые фигуры
темнокожих рабов, тянущих баржи с солью.

«Да будут дарованы с небес прочный мир и счастливая жизнь...»

Прикоснись к нам своим взглядом...
Вырви из наших сердец принуждение...
Не отверни нас от дверей Храма Твоего...
Влей в нашу кровь мгновения чистой правды...
Очисти наши умы хором детских голосов...
Отведи от нас холод последнего взгляда
И влагу слезы в блеске поминальной свечи...
Не дай нам потерять дорогу, данную однажды...

«Амен, йегей шмей раба...»^{*}

^{*} «Амен, да будет великое имя Его благословенно...» Кадиш

ПОРТРЕТ

Я подарю тебе рассвет,
Метель окрест лениво кружит.
И пепельно-усталый свет
Нас молча выманит наружу.

Дрожат на полотне мазки,
На ветках ленточки танцуют.
И жизни сладкие глотки
Объятия любви рисуют.

В душе увиденный портрет
Глядит с улыбкою нетленной.
Добавлю маленький секрет:
Я дал обет творцу вселенной.

ШВЕЦИЯ

Вьётся над домами жёлтый крест на синем фоне,
его чуть задевает крылом пролетающая чайка.
Строй корабельных сосен гордо смотрит вдаль,
на вечную гладь моря, которую бороздят корабли.
След от корабля завораживает взгляд, но живёт недолго,
как пушистая полоска в небе, оставленная самолётом,
поэтому его редко увидишь на картинах...
Открыточный пейзаж северной страны,
радующий глаз рядового туриста.
Остальные сюжеты — это жемчужины,
рассыпанные по земле
из порвавшихся бус Снежной Королевы.

ЧИТАЯ АНТОНА ПАВЛОВИЧА

Меня Ваш сон с собой унёс
И бросил в осень бессердечно.
Я — тополь, скроюсь средь берёз,
Чтоб уронить листву беспечно.

И на листве бездомный пёс
Клубком свернется в наслажденье.
Его сухой, горячий нос
Не знает горьких пробуждений.

Приснится псу вишнёвый сад
И вздохи Фирса за дверями.
Пса укрывает листопад,
А мы — баюкаем стихами.

Я этим псом остаться рад,
В усадьбе, с мамой, дочерями
Я буду охранять Ваш сад
И собирать листву руками.

ПРОГУЛКИ ПО ПАМЯТИ

Как далеко можно зайти в прогулках по памяти?

Не дальше детства, за его пределы не пустит сердце.
Там прошлая жизнь, но она хорошо стёрта,
Звездочётами и Стрелочниками Времени,
и ещё кем-то другим, незримо живущим в нас самих.

Только редкие déjà vu, которые ты позволяешь себе
в минуты слабости, во время танцев с возлюбленными на берегу
моря на рассвете, в стремительных порывах холодного
ноябрьского ветра.

В задумчивом взгляде, когда смотришь на закованные
в гранит каналы древнего города.

В минуты тишины утреннего поцелуя в осколках чувств.

В глубоком нырке в прозрачные воды Океана, согретого Солнцем.

И можно потратить вечность, не уставая выдумывать разные
истории, заставляя окружающих чувствовать и удивляться.

Но бессонница не может быть вечной, и когда приходит
время туманов, хочется раствориться, спрятавшись
в них вместе со всеми нерассказанными снами.

Ведь легко бросать слова на ветер, гораздо труднее положить
их на белый лист обнажёнными строками, написанными
за короткую жизнь, в которой оставшиеся дни улетают вслед
за птицами, но птицы возвращаются...

а ты остаёшься в одном из дней каплейкой правды, упавшей на
берег памяти, ласкаемый тихим прибором.

ИЗ ПРОШЛОГО

Горели ведьмы на кострах
За вам подаренную малость.
И в воздухе клубился страх,
И детству позволялась шалость.

Я на лице нарисовал,
Пусть это дорого кому-то,
Улыбки коловской овал —
Зеркально нежный... этим утром.

Я искры уловил тепло.
Вздых, горечь ощутил утраты.
И птица — болью о стекло
Ударила рассвет расплаты.

ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ МОРЕ

Хочется другой вид из окна, другие тени на обоях.

Хочется, чтобы хрустальная маска Луны заглядывала в окна, искренне улыбаясь.

Чтобы звёзды жемчужинами страданий опускались утром на траву, исчезали, растворяясь в дожде, смешивались с морем, делая его еще более солёным.

Ведь именно этот солоноватый аромат манит романтиков и поэтов подобно бескрайнему космосу и восхитительным мгновениям детства.

Именно он вызывает бесконечное желание раствориться, стать частичкой Света.

А в параллельном мире, куда мы переносимся, когда пишем стихи под трели сверчков, два холодных ручейка вниз по щеке — это и есть первые волны моря.

ОБЕЩАННОЕ

...И глаз не радуют сегодня зеркала.
И рот не вымолвит сегодня слово «жалость».
И капли слёз по плоскости стола
Ведут к листу, где в рифме сердце сжалось.

Мелодия совсем сошла с ума.
И танец движет не любовь, а ярость.
Туманным шёлком схвачены тома,
И эльфы превращают в детство старость.

Я слепо рвусь в случайные дома,
Безумному неведома опасность.
Лишь Ариадны нить-петля-тесьма
Соединяет грёзы и реальность.

Ноябрь — неискушенный музыкант.
А пейзажист из ноября — намного хуже?
И вместо полотна — безвкусный фант,
И вместо снежного ковра — одни лишь лужи.

Сует мирских глотать не должен пыль,
Ведь ты, Поэт, рожден от слова «нежность».
Пусть одинок ты, как в степи ковыль.
В тебе живёт безудержная Дерзость.

ЕДИНОЖДЫ СОЛГАВ...

Изображая реальность, просто обмани меня,
прикрывшись жестокой улыбкой ребёнка.
Добра и тепла так немного осталось на свете,
ответом лжи набежит на глаза розоватая пелена.
Безудержное зло раньше скрывалось в темноте ночи,
теперь, сделав меня изгоем мыслями о прошлом,
доказывает, что брошенные женщины выглядят лучше,
меня спутников, как платья, пошло и бестактно.
Но во снах они приходят несчастными и униженными,
и говорят, что всё мертво, всё вокруг чуждо и пусто,
что за непонятную любовь заплачено нервной дрожью,
замерзающему на ветру, с раненой душой, чувства не нужны.
Ведь не радуется радуга, мягко-ненавязчивым блеском
твоих глаз растянувшаяся на небосводе.
Единожды солгав, даже правда снова и снова
будет слетать с твоих губ с привкусом лжи.
И ты будешь играть роль «сказочника» неделю,
месяц и через год она станет твоим амплуа...
А когда умолкнут птицы, и ты устанешь от взаимной нелюбви,
будет слишком поздно, ты так и умрёшь, сидя в себе,
как в коконе, переставляя песочные часы,
наполненные осколками разбитых сердец...
Наступит утро с тихим шорохом солнечных лучей, пением птиц
и честной радугой, с отражёнными в ней сотнями улыбок,
но это утро будет уже без тебя.

ПРЕКРАСНОЕ ВОКРУГ

По чёрно-белым клеткам шахматной доски
Бреду фигурой: ни король, ни пешка...
И на полоски разрывая новые стихи,
В движеньях рук не буду мешкать.

В витрине яркой позднего бистро
Мелькнет знакомая осанка —
В руке его лоснится телефон,
И пола пиджака блестит изнанкой.

Цвет чёрный не люблю, но серебро на нём
Напоминает мне канал, в гранит зашитый,
В котором отражаемся вдвоём,
Танцующими танго в дне прожитом.

Судьба, наполненная хором голосов,
Вот только образы всё более размыты...
Я привыкаю не считать часов
Былого счастья, что сбивается с орбиты.

ПЕЙЗАЖНОЕ

Метель смывает грани гор.
Метелью пленены соседи.
Простор пугает беглый взор
Сильней, чем белые медведи.

В четырнадцать включаем свет.
Пугающе привычны лица.
Я жду ответ, я жду ответ,
Пора бы посетить столицу.

Луна раскрошится о скалы,
Заледенеет звук в губах.
В горах короткие привалы,
И спуск в раскрашенных санях.

Звезда уснула на ладони,
Остервенел к утру мороз.
И ни единой колокольни
В окладе трепетных берез...

И стужа зла, и даль безбрежна,
На сотни верст здесь счастья нет,
Но тишина прошепчет нежно:
Не уезжай, порви билет...

СТИХИ — ЭТО...

«Поэт этим произведением хотел сказать...».

Да, я под Оффенбаха, канкан станцую в гробу, если подобная фраза когда-нибудь прозвучит над моими стихами.

Стихотворение — это сон под тиканье ходиков, утром или вечером — не важно, только часы идут в другую сторону.

Может быть, я сам никогда не узнаю, что хотел написать, перебирая клавиши...

Стихотворение — это подарок самому себе, без бантиков и коробочек.

Это напиток, рождённый пряностью цветов, из слов летописи реального бытия.

Его место в баре «Человеческой Неповторимости».

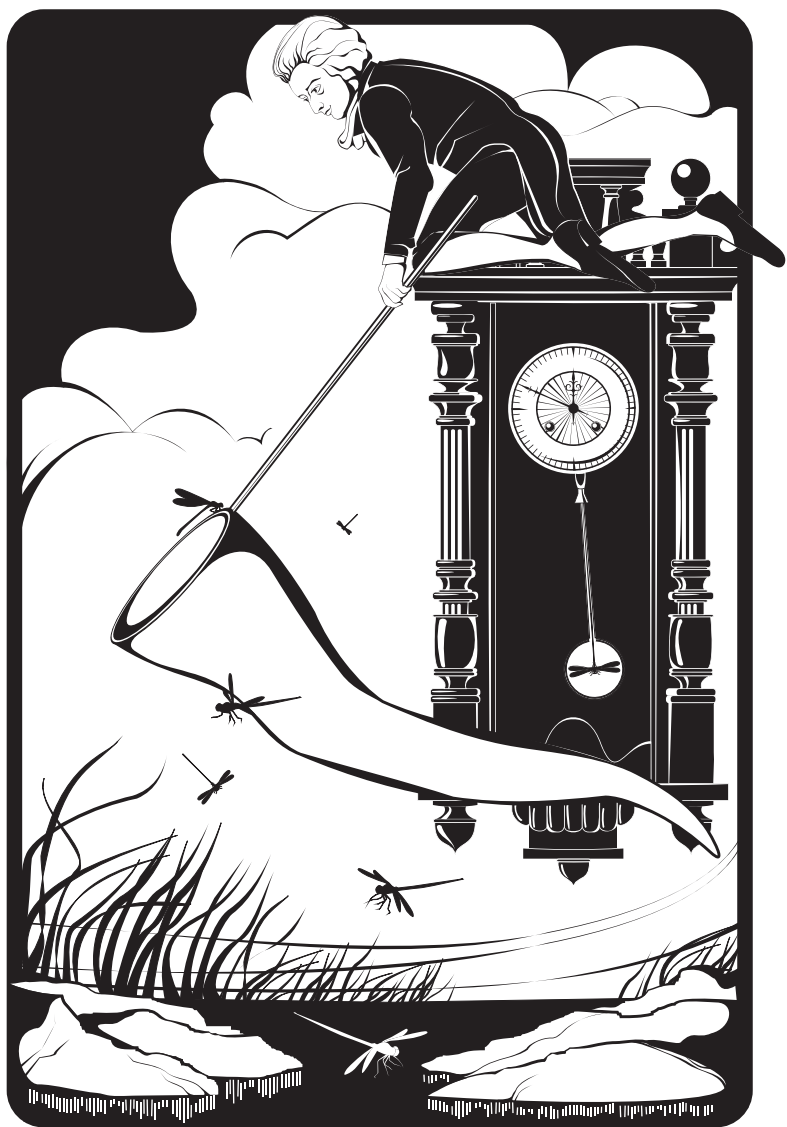
Чтобы пробовать его, нужно снять с себя сотню масок и остаться в единственной, которой давно перестал стесняться, глядя в зеркало.

И когда воображение медленно окупётся в стихи, я вздрогну от сказочных прикосновений и осознаю равноудалённость двух одиночеств.

Закройте глаза и подарите мыслям свободу полёта стрекозы над рекой под музыку Моцарта, текущую в другом измерении.

И пусть воздушный поцелуй бабочки вернёт вас в глубину любящего взгляда графикой новых пейзажей....

Это и есть мерцающая действительность Стиха.

РАССТОЯНИЕ ВЗГЛЯДА

я всегда буду держать тебя на расстоянии взгляда, представляя
жертвой кораблекрушения,
плывающей в спасательной шляпке: ты бросаешь за борт
бутылку с запиской о помощи...

думаю, тебя спасут раньше, чем она попадёт
кому-нибудь в руки...

знаешь, нас всегда разделяли расстояния...
когда я плыл — ты топтался на суше...
когда я взлетел, ты даже ещё не научился плавать...
и в первый же сезон штормов оказался в лодке без вёсел...
ты по-рыбьи шевелишь губами...
я не слышу тебя, но представляю, что поёшь песенку...

— кузнечик стрекочет, вы слышите, барышня?
пол-лета прошло сквозь судьбу переменчиво...

или просто повторяешь моё имя...
вокруг тебя вьётся ветер, он так же одинок и шепчет
моим голосом: «ты здесь, ты со мной...»

сегодня ливень снова топит твой город, но я поглядываю
на небо без страха: всемирного потопа не будет...

хватит! пора признать, что у меня есть море, а у тебя лужа...
я во снах включаю реальность, а ты ворочаешься с боку на бок...
мои письма теперь всегда находят адресата,
а твои лежат в сумке утонувшего почтальона...
я дарю слова, а ты всегда будешь их искать...
я счастлив, а ты так и останешься за волнорезом
в море моей любви...

ЛАПЛАНДИЯ

Приходит в ожиданье чуда новый день,
В рассвет впадают горные утёсы.
Изломы склона подчеркнула светотень
Мазками крон сквозь долгие морозы.

И позабыв про край былых невзгод,
Сомненья прошлые похоронив в могиле,
Уравновешен стрелок быстрый ход,
И ощущение новых крыльев не покинет.

А в этом царстве чёрно-белых скал
Звонящей тишиной надломлен голос,
Вновь эхо исполняет ритуал...
Земля давно не дарит хлебный колос.

Мне кажется, что в камне Бог ваял,
Подыскивая формы идеала.
Уже потом Адам влюблённый постигал
Ступени первых чувств, от самого начала.

Пусть открывает новый том моя судьба,
Играя изумрудами на пальцах.
Снежинок белых медленные па,
Движенья тел под бубен в странных танцах...

ПОЙМАННОЕ ВЗГЛЯДОМ

Мелькают города за окнами поезда,
как листья, сорванные осенним ветром.
Бутики, отели, салоны искусств, площадки
для выгула собак, пасущиеся стада.
А мы несёмся, подобно звуку в проводе,
в точку, где случится наша встреча,
А жизнь полетит дальше,
постепенно теряя нас из виду...

СМОТРЯ НА СНЕГ

Пока ты будешь наблюдать за снегом,
Достану с полки акварель,
Зажгу камин, укрою ноги пледом
И кистью вспомню наш апрель.

Луч рассыпается в алмазных брызгах.
Снегирь непуганый на ветку сел.
Наряд его уже слегка замызган —
Меняет оперение пострел.

Холст отложу, возьму блокнот и ручку,
Согреет быстро низкосортный хмель.
Поэт изрядный, пусть и самоучка,
Разглядывает за окном метель.

Укор не посылайте, я не эллин,
Блестит на пальцах тускло серебро.
И взгляд летит над сотнями расщелин,
И этот миг запишем как добро.

Я предводитель ветреных героев.
Мне сердца хватит, чтоб понять их боль.
Я тамада на множестве застолий,
Давно вживаюсь в шутовскую роль.

ПРОМЕЖУТКИ ВРЕМЕНИ

мы выпадаем из жизни талисманами, превращаемся в Куриных богов, обласканных морской волной, и можно привыкнуть к этим ощущениям, но вдруг понять — строки плачут от боли... это грани почерка, характера, взгляда... грани памяти, которую напоследок нужно обнять и лечь с ней рядом, убаюкивая её, посчитать по пальцам обиды... самые... из-за которых бился головой о стены, на остальные не хватит даже количества прожитых лет... в эту полночь невостребованных мыслей Луна начинает следить за твоим взглядом, застывшим в зеркале на дверце шкафа, хранящего следы пальцев мальчика, которого ты иногда вспоминаешь, всматриваясь в отражения, привыкшие удерживать мечты в созданном тобой, в те мгновения, когда ты бываешь восхитительно крылатым... трогаящим небо, потерявшееся во времени...

СНЫ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Грядущих праздников хрустальный лёд звенит тоской
старейшего доктора Живаго
Париж на Елисейские мани́т, желаньем прибавляя скорость шага...

стихи спасают рифмой тишину...
мне весть о встрече прозвучит из мрака...
и кто-то, бледный лоб прижав к стеклу, меня смутит гримасою
маньяка...

согрет надеждой каждый новый день, и путь, ведущий к встрече,
обозначен...
и Ангел изгоняет страх и лень...
приходит тот, кто свыше мне назначен...

Утешит мудрость все страданья тела, сквозь свет надежды
слышу нежный шёпот и понимаю, что ему нет дела
до моих страхов — слишком молод...

я медленно ступаю в звёздный час, в высокий Храм и гну
смирненно выю пред музыкой стиха. Здесь Музы нас на входе
ждут, застыв, как часовые...

смирненно шествует прекрасная Весна, я на ухо шепну: «привет,
Марина»... и еле ощутимые шелка прошелестят чуть слышное:
«спасибо...»

Проснувшись рано, отойдя от сна, поправлю угли в глубине
камина... налью немного красного вина — хрусталь расцветится
оттенками кармина.

Во всём следы рождественских примет.
До новогодья остаются метры... мне чёрный кот бессонниц дал
совет: доверится судьбе, поверить ветру.

ЖЕЛАНИЕ

Заболела душа... где найти докторов, что врачуют
судьбу от хандры и вселенской печали... по ступеням —
на облака... дикий вереск на лестнице слов...
не они ли мне знак журавлиными клиньями вдаль подавали...
может быть и в последний полёт... сквозь соблазны
дразнящихся снов. Бесконечность иллюзий... витает дымок,
а зима нам довяжет снежинки лучами.

Недовольство ухмылок, кто рифменно строг,
истерзает мне душу подсчётом... слогáми... но, звеня,
опьянённо-натянутый нерв забывает, что мир не живёт
без скитаний... я любитель огромных букетов гербер,
и в штормах нахожу исполнение желаний... как простая
ромашка — размах лепестковый... обозначен весной
этот солнечный мир. Жизни круг позволительный,
даже хитовый, словно дьявольско-красный лунатик-кумир...
От прощённых обид, улыбнувшихся бед, от скользящих сквозь
жизнь, как пинки, расставаний, через слёзы ищу пропадающий
след, угольками надежд освещаая признание. В ожидании
Муз, заблудившихся в лете, милый грустный мотив прозвучит
в унисон,
чтобы сказка жила у детей на Планете, погружая её в бубенцов
перезвон... Ну, а розы, прошу... согласитесь, скучнее... мудрый
Лис говорит о стихиях веков... я с хрустальной тувелькой
в мире старею и с природой иду сквозь врата городов.

БЕРЕГИТЕ СТИХИ

Берегите стихи, берегите...
Их полёт выше всех инквизиций,
Их диспетчер уже небожитель,
Он — палач устаревших традиций.

Не ищите, нет места для фальши,
Их ростки среди ваших мечтаний.
Их родитель — лишь вечер вчерашний,
Он из тысячи встреч-расставаний.

Не спешите, прошу, не спешите
О любви расплескаться словами.
Лучше розу у ног положите,
Гильотину увейте цветами.

Не калечьте стихи, не калечьте.
В них жемчужины наших страданий.
Грани сводов всех Храмов на свете...
Диамантов бесчисленных грани.

Не ищите в них кеглей и терций,
Отпустите, пусть песенка льется!
Отпустите в полёт ваше сердце,
И оно к вам счастливым вернется.

ЛИТУРГИЯ

Пусть твердят: к чему журавль в небе,
Мол, в руке синица много круче.
Чем сидеть в плену у чародеев,
В летнем парке целоваться лучше.

Там не надобно двоиться мыслям.
Знать ответ, где потерялось счастье.
Поднимайся к тем далёким высям,
Где хранит своё причастье Мастер!

Где луна в безоблачном пространстве,
Там душе становится светлее.
Убежишь от постоянства в танце
В истину, где вера сердце греет.

Лишь не упусти дыханье ветров.
Память оный раз в бессмертье канет.
По соизволенью Божьих Мэтров
За молитвой смерть тебя застанет.

НЕ УДАЛЯЯ КРАСКИ

Соединяю цвет со звуком... зову на помощь серый свет лучей.
Земных этюдов зимние причуды как графарет кладу на города...
людей... на время, ставшее стеной меж нами, где расставания
важней любви, и больше, чем поэта ликованье. Как лёд трещат
основы мироздания под стук сердец... под излишня Веуопсэ...
мы открываем формулу прощанья и прыгаем в безумие ночей,
но в наших странных снах непрошенные гости бредут, молясь,
под скорбный шум дождей туда, где заколачивают гвозди
в пророков, исцеляющих людей. Вода пред нами не расступится
волнами, нас всех сравнивает пыль надгробных плит...
и лишь малыш с фигуркой оригами не знает скорби, страха
и обид... в том городе, где флюгеры на крышах, скрипя, хранят
горизонтальный вид... где нас зовут, но мы уже не слышим,
и юной страстью тело не дрожит...росою на траве проступит
утро... и ангелы пошлют улыбку в небо... и ОН, незримый,
милосердный, мудрый нас успокоит бесконечной негой.

УХОДИТ ОСЕНЬ

В пространстве между двух оконных рам
Живу улыбкой, только смех не слышен.
Подрамников растянутый обман
Скрывает запахи в саду цветущих вишен.

В картине осени заведомый финал,
Природы образ за окном трагичен.
На море штиль, в руке вина бокал,
И луч ноябрьский, как и ты, двуличен.

Вот холст, вот пруд, в нём талая вода
Съедает лёд и растворяет жухлый лист.
Но эти краски в март ведут всегда,
Там, где подснежника мерцает аметист.

Усеян дол опавшими листьями,
Их ветер шевелит едва-едва.
Размыта даль туманными холстами,
И от вина кружится голова...

НОВЫЙ ШАГ?..

Что первым обозначит новый шаг... холст загрунтован...
нежный лист в пыли, и музыка-плутовка не спеша влечёт
на остров на краю земли... кто мне очередной предъявит иск
за ширь простора, что в душе открыт... ведь спор с судьбой
предполагает риск, особенно, когда любовь с разлукой квиты...
Сама собой потянется рука примкнуть к рукоплеканию зевак...
окна распахнутого бездна глубока и соблазнительна, как дверь
в кабак... на подиуме снова в моде вуалетки — нет видимых
причин пенять на облик, ведь там, где мода, там рассыпаны
таблетки и кокс — убийца носовой перегородки... а за окном
безудержность природы, снег надоед за беззаботный блеск...
читаю про упругость ягодиц и нежную любовь к народу, ругают
бизнес и целуют крест... и ртутный столбик скачет вверх и вниз,
снегирь — коровка божия зимы — нахохлен, и ищешь краски
трафарету слова «жизнь», но новых нет, а старые засохли...
...а на дворе урбанизатор — чёрный дрозд — освоил новые
местины... он не отдаст рябины кисть за ветку вечной
Палестины.

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

Люблю под шорохи прибоя перебирать морские камни.
Ночь снова не даёт покоя, на доньшко бросая капли.

Мне чудится жасмина запах, флиртующий с ромашкой шмель,
Пух тополя в кошачьих лапах... весны звенящая капель.

С утра сжимает боль виски — моя бессонница игрива.
Рука, запрету вопреки, уже открыла Norrlands пиво.

Поздравит календарный лист с рождением стихотворенья.
Играю блиц под чей-то свист, не узнавая отраженья.

ВЫПАЛ СНЕГ

Я устал ежедневно смотреть, как не падает снег, и Зима постаралась исправить свою же ошибку... побелела за окнами ночь, сквозь гирлянды в окне наблюдаю уступку Природы, не пряча улыбку.

И не могут снежинки придумать, где лучше упасть, чтоб укрыть покрывалом последний не сдавшийся лист...

Пусть сегодня достигнет тебя, наконец, моя страсть, со словами найдя компромисс...

серебрятся кусты и любятоя стройностью сосен...

горделиво и хрустко ступает по насту олень: «Скоро Санта меня позовёт — ах, старик новогодний несносен... всё подарки ему малышам, — и защёлкнет в упряжке ремень»...

Выйдем к речке, на взгорок, повесим на елку шары.

Подо льдом сонных рыб безразлично уносит вода.

И опять Королева воткнула осколки свои, но слеза побеждает, любовь побеждает всегда....

Семь свечей на столе, за окном воссияла звезда...

И застыла река меж полей еле видной петлёй...

Всё, что с нами случилось, останется нам навсегда, и звучат колыбельные песни над белой Землей...

Мир давно уже терпит случайную смену погод, ведь Дитя рождено, что еще может с этим сравниться...

Завтра солнце отправится вновь покорять небосвод, чтоб в узоре снежинок на миг отразиться.

ЕЩЁ НЕМНОГО

— Посто́й, не торопи... ещё немного.
Я, напитавшись утренними снами,
уверенней пойду своей дорогой,
причудливо жонглируя словами.

Уйду туда, где будет интересно,
там смех детей, и манят жизни дали...
там склон Горы продавлен ходом Крестным,
там неизменно следуют Скрижалям.

Здесь музыка Великого Маэстро
Велит нести негромкие дары.
На той горе мне не найдется места,
По крайней мере, до поры...

ПОЭТИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

* * * * *

Отблеск
солнца
в подсвечников
меди
озаряет
белеющий
лоб.
Переход
в подчинение
смерти
прерывает
любовный
озноб...

* * * * *

Осенние листья летят над землёю.
Свободной стихией трепещет волна.
И пепел теплеет под мёртвой луною,
Как старое зеркало светит она...

* * * * *

А веришь ли ты в бессмертие,
Оно ведь, пугая, нас манит...
А если вдруг крылья заветные
Божественный ветер подарит...

* * * * *

От одиночеств и знакомств пустых,
В балансе осени одна особенность.
Есть сотни слов и грустных, и смешных,
Напоминающих — уходит молодость...

* * * * *

Ты говоришь, растаяли минуты...
Они вернутся вновь к тебе дождём.
Оставь им только прежние маршруты,
И не покинь, пожалуйста, свой дом.

* * * * *

А жизнь то бьёт, то манит калачом,
В нелёгкий час она нам всем досталась.
И Муза у окошка плачет о своём...
И я готов сослаться на усталость.

* * * * *

Без согласия роняю слезу.
По лучу я иду в огонь.
Года время подходит к концу,
Покажи мне свою ладонь.

Листва играет под ногами.
Клонится солнце на закат.
Уж скоро зимними ночами
Я буду вспоминать цикад.

ВЗГЛЯД

Чужую жизнь — мышиную возню —
Я не считаю очень важным делом.
И рифмой-колокольчиком звеню,
Чтобы душа не покидала тело.

Зловещий скальпель снова ищет плоть.
Им время так орудует умело,
Источник всего сущего Господь
Готов продолжить начатое дело.

Так солнце силу мрака поборов,
Воды остатки иссушает смело.
Звук слов прощальных, леденящих кровь,
Окрашивает лица снежным мелом.

Твердят, что в мире больше нет стихов...
Наверно, боль на них так не похожа.
Ласкаю жёсткость книжных корешков
И силу слова ощущаю кожей.

Пока нам светит шарик золотой,
Пока любимых тени с нами рядом,
Я поделюсь с друзьями красотой,
Своим, пусть необычным, мудрым взглядом.

Раздел 2.

ПИСЬМА ИЗДАЛЕКА

ПИСЬМО ДРУЗЬЯМ

Жить в поездах и чувствовать, как расстоянья меняются
от приближенья милых тел, так две струны натянутые шпально,
волнуют нерва точечный прицел.

Ночная мгла под шум фабричных звуков перетекает
в утренний туман, и старики уже пекут блины для внуков, луны
бледнеющей не гаснет талисман.

Небесный мрамор, он без капель крови... багряный отсвет —
знак дурного сна... скрипач играет, чуть нахмуря брови... час
вдохновения — высокая цена...

Речной трамвай везет домой влюбленных, над пристанью
застыла тишина... там, где поэт, мостом любуясь разведённым,
латунь луны снимает с гривы льва...

Когда растает лёд и вновь цветенье лилий заставит позабыть
своих земных врагов, все мы — с улыбками, но лишь картинки
в книгах над россыпью осознанных стихов.

Пусть мы обоюдно заменимы, но есть иные, их удел века —
хранимые любовью пилигримы... для них моя неровная строка...

МАМИНА МАМА

Бабушке Жене

Мамина мама, радость в заботах,
В правдах-неправдах, в буднях-субботах.

Мамина мама, словно планета,
Сводами храмов Божьих согрета.

Звуками флейты, музыкой скрипки
В полночь сверкают звёзды-улыбки.

В лунных тропинках радость стихов -
Мудрых и гордых сотни томов.

Ласточка света родом из детства,
В шёпоте ветра мая кокетство.

Снова и снова сходит с портрета
Мамина мама в красках рассвета.

Мысли прогоним — не доглядели...
Плач одинокий скроют метели.

ТЫ ВЕРИШЬ В МЕНЯ

А. Ч.

*Вот почему в конституции отсутствует слово «дождь».
В ней вообще ни разу не говорится
ни о барометре, ни о тех, кто, сгорбась
за полночь на табуретке, с клубком вигони,
как обнаженный Алкивиад,
кортают часы, листая страницы журнала мод
в предбаннике Золотого Века.*

Иосиф Бродский

снова лист покрывается сеточкой корявых чёрточек,
не обращая внимания на ошибки и отсутствие запятых...

я опять не слишком любезен и всеяден абсолютно, хочется
на побережье, где песок обжигает нежен...

мир самоотверженно осуществляет историю, но это не мешает
потокам горных рек, они движутся, не претендуя на границы
и законы, радуя каждого, обращающего на них свой взор...

окружающим плевать на то, что они свидетели и даже на резкие
порывы ветра в лицо, где в затуманенных глазах пытаются
спрятаться остатки того, что называлось мечтой...

тоже касается и жильцов-соседей, которые не способны
отличить паутину от узора слов, сотканного болью...

хорошо, что в окне есть ещё горизонт, создающий новые
картины в течение суток...

и в памяти остались ночи, проведенные у костра в далекой стране под названием Юность, давным-давно, совсем другим человеком, в котором больно узнавать себя...

...но ты веришь в меня и говоришь, что если бы я не писал, я бы пел... наверное... ведь я потерял столько в этой жизни, что скоро количество месяцев, проведенных в больничных палатах, создаст планету, на которой будут расти капельницы, как когда-то баобабы в бессмертном произведении...

когда я уйду, не пытайся узнать меня в толпе, просто живи — просторы бескрайни, наслаждайся...

вернуться сможет лишь один, тот... помнишь... из Вифлеема, но мне кажется, что мир, увидев его... растеряется... и повторит свой грех... вот только кто будет в роли Пилата на этот раз...

ЛУЧШИЙ ДРУГ...

С. Кочергиной

лучший друг, как цветной листопад,
дорогая, я так тебе рад.

я рисую по памяти лет
милый глазу твой строгий портрет.

разве здесь виноваты грехи,
в откровениях женской строки.

знать приятно, что я это ты...
пусть судьба не разводит мосты.

дай сквозь ночь мне стакан тишины,
чтобы звёзды в нём были видны.

падал снег, не напрасно летел,
выше всяких наград твой напев.

и в преддверье пушистой зимы
ты приходишь, как гость, в мои сны.

и, нарушив покой расстояньем,
Бог хранит наши души-преданья.

МЕЧТА

С.К.

В городе пусто.
Ранние ночи.
Только в искусстве
Звёзды, как очи.

Друг перед другом
Яхты, причалы.
Ветра весеннего
Ждут, как начала

Дальних походов,
Новых открытий,
Даты убытий
И даты прибытий.

В лунные ночи,
Под парусами,
Вместе мы будем
Без расписаний.

ДИРИЖЁР

Алексею Чумакову

*...Далекие от зла, от игр пустых и нег,
Хранили наш секрет, сверкающий, как снег;
Поскольку правда спит, невидима, пуглива,
И палец золотой к губам прижат стыдливо.*

С улыбкой помолчим, с достоинством любя.

Любовник мой, пишу на сердце у тебя.

Жан Кокто — Жану Маре

В мелодии рождающихся линий
Стараюсь уловить знакомый звук.
К оранжевым, лиловым, тёмно-синим
Прибавим шорох от сплетённых рук

И к музыке добавим чуть дождинок,
Плюс радугу в небесной вышине.
И тысячи снежинок из слезинок.
Конечно сказки, что расскажем по весне.

Нам предстоит ещё с погодой поединок,
И яркий блик на замерзающем стекле.
И пустота от безысходности ошибок.
И отраженье звёзд в озёрном хрустале.

Взмах... и мечты, реальность воедино
Сошлись, на клавишах, родившись в сне...
Грань между сферами стирается незримо,
Но истина опять спешит ко мне.

Не потеряй меня в толпе идущих мимо,
Где мёртвые слова построили свой мир.
Там неприлично быть тобой любимым.
Там чужд для них поэзии кумир.

Меня с ума сводила ночь кошмаром,
И всё меняло цвет, теряло смысл.
Слова, рождаясь, пропадали даром.
Но я терпел, как одинокий мыс.

И мироздания высокие сюжеты
Раскрошены о монолитный быт.
Остались лишь закаты и рассветы,
А старый мир развенчан и забыт.

Живая мысль танцующей планеты,
Мы выпутались из объятий пустоты.
И начали опять стихи писать поэты.
Всё вздрогнуло, деревья и цветы.

И дирижер одним волшебным жестом
Исправит мир, откроет красоту.
Жизнь обернется сказкою прелестной,
И фьорды потеряют немоту.

ПИСЬМО

Елене Литинской

Ищу в стихах похожие черты, а в мыслях уловить пытаюсь звон от чайных чашек... сквозь сотни километров суеты, из щёлочек стихов я вижу на столе букет ромашек... раздробленные судьбы и мечты — в моей душе часы давно идут назад... где в зеркалах искажены черты, где в памяти всегда горит закат... в твоих стихах сквозь слёзы юмор жжёт, герберой чёрной прорастает память... когда-нибудь твою улыбку самолёт увидит мне возможность предоставит... сейчас же полететь из строк, на сцене жизни вдруг отыщется минута... ты помни, что мой взгляд врачебно строг, и очень важно страны мне не перепутать. Ну, вот и улыбнулась... хорошо... ведь нам не стоит ночи рвать звонками... но, как ни странно, на душе сейчас тепло, и клавиши мелькают под руками... И, может быть, оказия случится увидеть нам печатными друг друга... так на ночь начитавшись... вдруг приснится — на фоне Статуи фотографирует прислуга... иль в «Метрополе», скажем, под хмельком, поём под песни популярного артиста... проглатывая с водкой горький ком, вдруг понимаем — мы не пессимисты... Ну, вот пора ложиться спать, осталось только отослать письмо... мне жаль, я не умею рисовать... хотя картинка вставится легко... Пускай тебе приснится старенький трамвай, в котором детство уезжает не спеша... забытый нами и забытый Богом рай, где по паркету катится от ёлки новогодней шар...

ТАНГО ГАШИШ

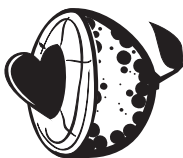
Алёше

Мой amigo, тебя приглашаю на танго,
Аргентинское Танго Гашиш под кровавой луною.
Удивлённо ступает нога между дольками манго,
Над толпой тихий вздох пронесётся волною.

Наше утро наступит ненужной наградой,
Взгляд туманный, вразлад, и дыханье глубоко.
Лишь гитара поймёт, что является правдой,
Мне не так уж, как прежде, теперь одиноко.

Шаг назад, пять секунд, взгляд мальчишки-нахала.
В горле жжёт и на сердце Creole-привольно.
Только ветер прохладу нам дарит устало.
Я слегка оступлюсь, но с улыбкой довольной

Отпущу, блещет пот, свечи в капельке каждой.
Встрепенётся спина с ощущением выси.
Призрак юности время вплетает отважно
В танец чувств и загадочно-трепетных мыслей.

РУССКИЕ ЕВРЕИ

Людмиле Дорофеевой

Я рифмую, устав и немея,
От незнания слов рифмы узкие.
Где угодно мы с вами евреи,
Лишь в Израиле кличут нас «русские».

Я пошлю вам улыбку, и с Севера
Принесёт она сердца биение.
Здесь четвёртым листком я от клевера
Возвращаюсь в мечты откровение.

Через мински, москвы и парижи
Прорастали повсюду мы сами.
Знать не знали, что значит «евреи»,
Без тоски, обрётённой с годами.

И в холодной стране замерзая,
Географию кто нам исправит.
К перламутрово-радужным далям
Мы, гребцы-одиночки, пристали.

Чёрным сгустком вороньего облака
На врагов наши беды выплакать.
На границе субботы и вторника
Из души по весне все выплескать.

Но я верю, что будет неделя
И в местах, где трепещут берёзы.
Вместо сока, из детства апреля,
Потекут наши вечные слёзы.

ВЕНЕЦИЯ

С.К.

Уходит лето снова в нашу осень,
И деревце из косточки вишнёвой
Однажды приживется среди сосен,
На хвою уронив наряд зеленый...

Моя душа летит прощальной нотой,
От осени к зиме, со мною порознь...
Пусть мемуары с лживой позолотой
Съедает медленно тоскующая морось.

Пусть эхо миллионами осколков
Поднимет прах — забытый шквал огня.
И не найти в убежище подонков,
Живой цветок немеркнувшего дня?

Бреду себе по улице бесцельно,
Отбросив цепь античных философий.
Уехать — это, право, не смертельно, —
Из века прошлого мне говорит Иосиф.

Его полупоклон и цепкий взгляд...
Каналы отражают дивный город.
И искуплением бессмысленного дня
Грядущий день, который сердцу дорог.

ОСКОЛКИ ПРОШЛОГО

Дмитрию Бушуеву

Сгорают в памяти
Обиды Родины.
Сквозь дымку горечи
Этапы пройдены.

Твой облик юности
Из пантомимы
Жив долей совести
В идущих мимо.

В размахе осени
С тобой сородичи.
Золотоносные,
В великой повести.

У перелётных птиц
Просили верности.
Вы правы, Принц,
Любовь без ревности.

На чистый лист —
Знак бесконечности.
Ведь жизнь таксист,
Мы платим вечности.

НОВОГОДНЕЕ

Марине, Иосифу, Райнеру...

Не раз вы обсудили «Новогоднее»,
Все ударения расставив махом.
Он — гордый человек, судьбой не сложенный,
Она же — в сердце раненая птаха.

Вы где-то там сейчас сидите тихо,
На облаке из пастилы и снега.
Он, видимо, рассказывает мифы,
Она чеканит ритм в строфе разбега.

И ангелы, пришедшие с прогулки,
Нашепчут вам наивные обманы.
У каждого в лирической шкатулке
Из них составлены поэмы и романы.

И новогодним гимном для контральта
День завершается. Открыты взгляду,
В лучах заката полыхают Альпы,
И звезды зажигаются гирляндой.

Кто вас там поздравляет с Новым годом,
К кому вы с откровением приникли?
Вас Бог пометил своим личным кодом,
Чтоб вы, как призраки, из памяти возникли.

ДРУГ

Сергею Гришагину

Исполняю репризу
В тишине закулисья.
Не сценарий — папирус
Предоставлен мне жизнью.

Появляюсь на сцене,
Обезличенный гримом,
И склоняю колени
Насмешливым мимом.

В свете рампы не видно
Глаз любимых сиянья,
Слёз, которых не стыдно,
Жду на нашем свиданье!

Наших судеб круженье
Мы играем так мудро,
В соловьиное пенье
Веря мартовским утром.

И уже невозможно
В этом зрительном зале
Отвечать односложно...
Друг мой из зазеркалья.

ВНЕ ВРЕМЕНИ

Нинель Счастной...

*«Бэзил Холлуорд — это я, каким я себя представляю;
лорд Генри — я, каким меня представляет свет;
Дориан — каким бы я хотел быть, возможно, в иные времена»*

Оскар Уайльд

Ты — Лада, так хочу сказать звезде упавшей,
Пытаясь сказку повторить в сердцах людей.
Забыто счастьем или новым настоящим
Слетает с губ таинственно — Нинель.

Нинель — выводит кто-то кистью.
Стекло замерзшее слезой звенит.
Мы будем наслаждаться этой жизнью,
Пусть сердце в будущем сегодня погостит.

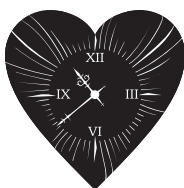
Свою мечту я дорисую мыслью.
Оборвалась вновь где-то солнца нить.
Я всё былое на бумагу вылью,
Шагну вперёд, чтоб с вами миг прожить.

И звёздный свет проглочен добротой,
Которая в глазах у вас блестит,
Цветком, вновь распутившимся весной,
Улыбкой вдоль картин грустит.

Бог, как мужик, распорядился сказкой,
А нынче где она — поди, ищи-свищи!?
Под нежно нарисованною маской
Звучат предсмертные слова её души.

Ну, как же тебе, Господи, не стыдно...
Создал перо Жар-птицы, плетъ и щит,
Врагов создал, хоть это не обидно,
С туманом их присутствие роднит.

Я говорю судьбе сейчас спасибо,
Очередное слово, как гранит.
Бездонное какое в звёздах небо.
Рисуем, пишем, что в душе болит.

АНДРЕЮ НАЙТОВУ — ВЕЧНОМУ МАЛЬЧИКУ

*Jag frågade dem:
"Följer Ni med till in barndom?" De svarade "ja".*

*Tomas Tranströmer**

Отдыхаем в стихах, в них теперь ещё есть и апрель,
Но за окнами тянется сказочно-жёлтая осень.
Там качает кудесница-верба свою колыбель,
Здесь ступаешь в лесу в след, оставленный лосем.

Где-то там, с крыш домов, звонким хохотом рвётся капель,
Тут мы слышим уже лёгкий шелест заоблачных далей.
У судьбы под ногами смятений весенний кисель,
Ей укажет свободное место предвестник печалей.

Создавая картинку не хуже, чем гибель Помпей,
К нам фотограф придёт — созерцатель интимной природы
И, взяв за руки нас, заберёт к себе в детство скорей,
И желания наши вдруг станут капризней погоды.

Олимпийские Мишки, загадочный сказочный лес,
Арлекины и принц на планете с заносчивой розой,
Угасающий утром разбросанный жемчуг небес —
Всё останется с нами навечно стихами и прозой.

Полусонной листвой шелестит угасающий вечер,
И в свой завтрашний день улетаем уже налегке.
Мы научимся снова любить и прощать на рассвете,
И сонеты писать на неведомом нам языке.

* Я их спросил:

«Хотите со мной, в моё детство?» Они ответили: «Да»
Томас Транстрёмер (перевод швед. Игн. Ивановский)

ПРОЩАНИЕ С ТЕПЛОМ

Алании Брайн

На пирсе вдыхаю солёный, ласкающий бриз,
И солнечный луч, пробираясь сквозь мачты и стропы,
Листая устами пиита свободную жизнь,
Нагнётся над ухом и тихо шепнёт ненароком:

— Меня не приручишь, пытаться — напрасный каприз.
И в клетку меня не посадишь ни задом, ни боком.
Печальная леди с красивейшим именем Жизнь
На грустной земле, где придумано око за око.

В полёте я словно бы Демон, взирающий вниз,
На мир, где униженный смех над возвышенной болью.
Тихонько присяду к тебе на дрожащий карниз
И буду чернила сушить, но ты пишешь здесь кровью...

А город сползал под расчёску каскадами крыш,
Засели в нем ужас и страх бесконечно глубоко.
На наших с тобой простынях непримятых, малыш,
Пророк пустоты постоянством лежит одиноко.

Любуемся фантами свежеспавшей листвы,
И Муза перо будоражит, мне сон оттесняя.
Впитав каждый солнечный луч на пороге зимы,
Последний сидит на карнизе, ладонь согрелая.

И снится вновь призрак святой неземной красоты.
Пусть пахнут стихи лишь плодами неспелой рябины.
А ночь — смена дня — ежедневный этюд темноты,
Расправит нам наши согбенные временем спины.

...Не зря же я вас разглядел-то с такой высоты
В той злой суете повседневной, в безумном потоке.
И мир не заметит висящей над ним пустоты,
Он ищет лишь логику в танце на Древнем Востоке...

И пусть мысль кружится на улицах новой мечты,
Ведь тонкой струне не хватает мелодии века.
А дома, как в сказочном царстве, апрель и цветы,
И тени свечей станут словно черты человека.

ХРАНИ МОЙ ПОРТРЕТ

Алании Брайн

Храни мой портрет с белозубым оскалом,
Ведь там гладь каналов лежит за спиною.
«Любовный напиток»^{*} пусть льётся в разгаре
В гостиной, дрожащей струной золотую.

Храни мой портрет в ослепительном солнце,
Где нет облаков в иудейской пустыне.
Пока я не стал для тебя незнакомцем,
Я берегом моря пройду сквозь святыни.

Храни мой портрет в закулисы театра,
В трагедиях жизни, комедиях смерти,
Где роль — оболочка для зла и коварства,
Где я растворюсь в тишине многолетий.

Храни мой портрет, закрывая ладонью,
В душе, посере́дке, меж сердцем и верой.
И я, окрылённый, продолжу погоню
Закатом, зарёй его водочно-серой.

Храни мой портрет от летящего пепла,
От славы бессилья, бессонниц и сплетен,
А если забудешь, промолви: «ослепла...»
И я успокоюсь... в бессмертии вечен.

^{*} Опера итальянского композитора Гаэтано Доницетти

РАВНОВЕСИЕ УТРАЧЕННЫХ МГНОВЕНИЙ

Алании Брайн

*Меняйся, жизнь. Меняйся хоть извне
на дансинги, на Оперу, на воды;
заутреней — на колокол по мне;
безумием — на платную свободу.*

Иосиф Бродский

Теряю равновесие минут, меняю жизнь на неразменный евро... работаю за скудную еду, глотаю снадобья полезные для нервов. И снова жду рассветов по весне, когда она уже не прячет слёзы, когда пытается мне нашептать во сне о том, что ей рассказывают звёзды... и вот опять не гаснет свет в окне, и вспоминаю я мальчишку у берёзы, наброском из мерцающих огней и над рекою носятся стрекозы... Бистро, свободный столик на двоих, мы это всё с тобою ожидали... ты помнишь первый нас связавший стих, когда вдруг клавиши живыми стали... звучал негромко уличный мотив французского шансона над мостами, я был ещё невинен и учтив, а за окошком осень нежилась дождями... Как хирургически наносит свой порез нам доктор из часов песочных, но скоро потеряет интерес и растворится в небесах полночных... вина полоска гаснет на губах... ты в солнечных очках, что неуместно...и с робким сумасшествием в глазах отправимся искать укромней место....
...теперь она со мной играет в прятки, уж новый намечается рассвет, и я не буду закрывать дверей, ведь прибежит наутро без оглядки.

Раздел 3.

ДИАЛОГИ

ХОЛОДНО...

*Levande måste han svälja...
...känna sin hunger förnötas-
känna de älskande kämpa
utan att någonsin mötas*
Gunnar Ekelöf

Пустынные скверы. Одинокие скамейки. Бездомные псы.

Заблудившееся счастье двух сердец, не боящихся ночи и веток
деревьев, похожих на химер.

Двадцать четыре часа летящих мгновений, утопания
в изумрудных глазах, сбивчивых признаний друг другу,
сплетающихся с наступающим рассветом.

Утренняя дрожь беспечной юности.

Тс-с-с! Не трогайте их, пусть...

Ведь впереди у влюблённых
холод невстреч.

* «Лебедь ест, чтобы выжить...

...он побеждает голод,
зная, что ждёт влюблённых
только невстречи холод»

Гуннар Экелёф (перевод швед. Игн. Ивановский)

НЕ СТОИТ ЗАБЫВАТЬ

Моя пандемия злости...

Моя пандемия — стронций...

Аделина Богрецова

Дайте ушедшим в вечность
Тайных молитв усладу.
Отчаянная беспечность —
Моя пандемия Ада.

Жертвы голодной боли,
Злобных ублюдков власти.
И мониторы застыли
От этой пагубной страсти.

Платью синего ветра
Пустошь хлещет позёмка.
И придорожный пепел
На волосах ребёнка.

Рифмой забытых иллюзий
Я очерчу пейзажи
Стонущих фотографий,
Где васильки, как пажы.

Солнце без макияжа
Слёзы роняет на землю.
Ангелы смерти — стража,
Зону ласкают тенью.

ДОРОГА В АВГУСТ

Да и к чему слова, когда на небе звезды...

Виктор Пелевин

Май выскользнул из ладони веткой сирени.

Июнь встретил блеском незнакомых реклам и хрупкими цветками рододендронов.

Улыбки природы и ожидание...

И друзей узнаёшь по движению ключа в замочной скважине души, где происходит то, что еще не случилось с тобой наяву.

Убежать туда в минуты радости, на свидания с давно забывшими тебя людьми, осторожно ступая по зыбкой смеси из стихов, внезапных слёз, грозящего пальцем «завтра»...

Убежать навстречу осени, навстречу влюблённой листве, нежно укутывающей землю.

...мне не хватает воздуха жить без тебя, заблудившись в тумане одиночества.

Но нужно считаться с одиночеством Бога.

Ты ложишься спать где-то на Севере, а я лечу над Балтикой... Ты говоришь, что тебя окружают глупцы, а я обласкан улыбками прохожих...

Но нам обоим ночь шепчет одну и ту же сказку.
Сказку влюблённых со страниц реликтовых книг.
Мы слушаем её, катаясь на своих верных Пегасах.
Парим на белоснежных крыльях ввысь, к звёздам.

Пронесимся над поверхностью океана.
Тише, прислушайся...
Это сказка для нас двоих.
В ней звучит манящий шум прибоя, бьющегося о скалы, крики чаек, плеск резвящихся дельфинов.
Она подсвечена изнутри осколками дня
и пахнет новогодними мандаринами и клубникой.

Но запомнится она лунным светом, струящимся из твоего взгляда.

БЕЛАЯ ВОРОНА

*В этот час, в этот миг отправляется поезд —
от платформы «Вчера» до вокзала потерянных снов...*

Владимир Плющиков

От платформы вокзала Холодного дня
Стая белых ворон отбывает на Север.
Улетает, чтоб сердце забрать у меня,
Отнести его в дали, где царствует клевер.

Сделав памяти круг, где стоит обелиск,
Одинокая стая дарует прощенье.
Не достать им луны жёлтый мертвенный диск.
И распутать клубок не хватает умения.

Путь к далёкому Храму проложен давно,
Из него нас приветствуют дивные звуки,
В нем мы встретим заснеженное Рождество
И согреем в ладонях любимые руки.

ДОРА

*Становилось так темно, что в полдень
на небе были видны звезды...*

Пабло Пикассо

На чёрно-белый кадр ложится слово, вдруг превращаясь в нож,
врываясь в стиль, вгрызаясь в очертания живого, и на семь лет
зажжён любви фитиль...

Презрев условности, у ног лежит богема, мундштук зажат
в заостренный пурпур, и разность мнений вытекает в лётка
сквозь сферы из мистических фигур...

Весёлый гомон беззаботного Парижа уже не в силах погасить
пожар... «всё хорошо, прекрасная маркиза»
приобретает смысл, лаская влажность жал...

Не холст, свидетель века — фотоплёнка — покадрово снимает
репортаж рождения искусства, как ребёнка,
сквозь стоны, крики, треск... немой монтаж...

В оставшихся осколках новой жизни мы бродим, как свидетели
примет, свет звёзд в портретах кажется нам ближним,
и лишь талант у алтаря отпет.

ТЫ С НАМИ ЖИВЁШЬ...

*Не более чем
одиночеством...*
Владислав Конє

Равнины и горы
Стихам твоим дарят раздолье.
Где образы страстны,
И чувства не знают неволи.

С отсутствием всяких границ,
Минуя все споры,
Движением женских ресниц
Рисуешь узоры.

Не более счастлив, чем все,
Одиночество скроем.
Музы́кой полна тишина,
Где прячутся двое.

ТОЛЧОК СИЛЫ

*И апогея нашим силам нет,
как нет предела совершенству, веки
его оттиснуть в судьбе, как и огрехи
моих бесчисленных заскоков к вышине,
словно отметки роста деток на стене...*

Анна Михайлова

Как крылья стрекозы разбитое стекло, драгоценную
брехню меняю на молчанье, и ставлю на душе своей клеймо,
похожее на символы изгнания... хочу пейзаж вернуть
в окна проём... и в сердце сохранить прошедший вечер,
где я с тобой сто лет уже знаком, где тлеет дня огарком
твой подсвечник.

Я жду от Ницше вечности тепло, и роль, не знающую гения
актёрства, в которой образ свой увидать повезло без тени
на лице циничного притворства... мне моря мерное звучанье,
когда брожу по мостовым сонливым, напоминает двух сердец
ворчанье, мечтающих о счастье быть любимым...

На старой башне сказка дремлет до поры, и ждет,
когда появится Малыш, и под восторженные вопли детворы
он с другом полетит над черепицей крыш... Пообещай,
что счастлив будешь, повзрослев, по правилам игры,
хранящейся в рассудке. Не потеряешься в обмане старых дев...
плясать не будешь под чужие дудки...

Я сотни разожгу посадочных костров, чтоб ты не соблазнился
мишурой, её фальшивым блеском, и заслужил купанье
в отраженье снов, где каждый житель в замке королевском...
и там, сквозь раболепие оков, рождается понятие другое,
пока что тень среди однообразных тем, значков... течение,
что делает теплее холод моря... сквозь многочисленные толпы
дураков, которые и взгляда безразличного не стоят...

ИЗЮМИНКА

*ты — моя карманная осень
карамельки пожухлых листьев*

Ирина Максимова

Моя ты карманная осень.
Ты жёлтая кисть винограда.
Пусть на висках моих просесть,
Пусть запах любимый — ладан.

Ты видишь, я снова врываюсь
В окно золотым листопадом.
С зелёной планеты, где маюсь,
Не чувствуя нежного взгляда.

С букетом знакомых мне листьев,
Из нашего детского сада.
На крыльях из ветреных писем,
С вином Назарета, отрада...

ОЖИДАЯ МАРТ

*И плачусь звездам,
Будто маме...*

Елена Чемерисова

Я вновь ловлю себя на мысли, что не сплю...
Сегодня все вокруг болеют хворями одними.
Не от лекарств температура близится к нулю,
И только встречи кажутся доверчиво живыми.

Где он, мучительной весны кладбищенский приют?
В нём сердце терпит боль с молитвами святыми.
Там столько милых лиц творят поклон, псалмы поют,
Оставив детские квартиры навсегда пустыми.

Ведь сколько деклараций не пиши фантазиям своим,
А смерти цензоры разбросаны на сотни миль.
От них твоих детей не скроет театральный грим.
Не сбережёт родник, пробившись сквозь пески пустынь.

Внимая праведным словам — противоречим им,
И тут же глупо суетимся над судьбой своею.
Роняем маски, раздеваем Жизнь в фонтане вин,
И Ангел смотрит вниз, упрёка проронить не смея.

И праздники чужой зимы — холодные улыбки.
Всё должное, и первый день весны уже зачат...
Из прошлой утренней зари сердечные открытки
Так в памяти моей по-мартовски кровоточат.

МОЙ УИТМЕН

*«Уолт Уитмен был кумир моей молодости»
Корней Чуковский. «Мой Уитмен»*

*Время — ничто и пространство — ничто.
Я с вами, люди будущих столетий.
Уолт Уитмен*

Уолт шепчет мне по ночам на ухо истории, не написанные
им при жизни...

Восхищается полями асфodelей, говорит,
что там они похожи на незабудки.

Рассказывает, каких мальчиков он повстречал, закончив
свой земной путь, их души спят в кроватках похожих
на колыбели младенцев.

Оказывается, там есть любовь, но запрещено произносить слова
«жизнь» и «смерть»...

Но, проснувшись, я смотрю в окно, и вместо волшебных снов
остаются только осколки прекрасных и недоступных витражей,
созданных Мастером.

А еще — едва заметные выбоины в душе.

Словно следы водой, они заполняются потом новыми
ощущениями, и благодаря этому рождаются новые стихи,
возвращая мне осязаемое веяние тёплых ветров Рая.

МОНОЛОГ АЛМАЗА
СТАВШЕГО БУЛЫЖНИКОМ

Я — не булыжник, я — алмаз!

А вы меня — как гнет.

Алена Григорьева

Меня? В рассол? О, я в плену!

И к жизни охладел.

Как огурец иду ко дну,

И блеск мой потускнел.

А ведь горел во сто карат,

Оправую блистал.

Теперь хозяин не богат,

Хозяин нищим стал.

Он у меня не значит.

Торговец, гад-алкаш.

К тому ж еще антисемит.

Аз ох ун вей! Шабаш!

Легендой быть хотел всегда.

Обёрнутым во власть.

И корки хлеба никогда

Голодным не подасть.

Материален результат,

Судьбы прямой ответ —

Во снах теперь брильянтопад

Ему на тыщу лет.

ОБИДА ЗАБЫВАЕТ БОЛЬ

*Я, продолжавший путь, когда за мной вдогонку,
Эскорты чёрных рыб пускались из глубин,
И загонял июль в пылавшую воронку
Ультрамарин небес ударами дубин...*

Артюр Рембо

Я растворяюсь в вашей крови, я гарпий затаённый смех...
я отнимаю вас у боли рассветом ласковых утех. Заглавий
нервное дыханье, страниц раскрытых белый снег, переживанье
без названья,
без воспарения разбег... Я для любви своей порочной
найду минутку поутру, пересчитаю многоточья и буквы лишние
сотру.
Самум трепал плечо по-братски... рабы, мортиры, карнавал...
и лишь душа болела адски, когда тебя не рисовал...
Прекрасные стихи — бездарны?.. А ваши мёртвые, из жал...
ну, иногда бывают славны — от зависти змей подустал. Гора
не блещет красотой, внутри её притих вулкан, так стих,
чарующий покоем, читателю дарит обман. Как Ной,
который не сказал, зачем стволы он выбирает, зачем приладил
он штурвал, зачем на борт людей сзывает.
Сонм грешных душ уйдёт за ним, и чёрных рыб взметнётся
стая... на умирающих губах — Аллах керим — в Сахару сердце
отпускает.

ЮРОДИВЫЙ

*«Мы с тобою знакомы вроде бы» —
Он из зеркала прошептал.
Ах, юродивый, мой юродивый,
Мы встречались у разных зеркал.
Надежда Колноузенко*

Вновь юродивых нашествие,
И поведать они жаждут,
Что недолго нам ждать Пришествия,
И каким Он придёт однажды...

...В зеркалах снова тьмы кружение,
Смех, как давнее подаяние,
И знакомое отражение...
Ангел тихий хранит молчание.

Обреченно толпа повторяет
Строки путанные пророчеств.
Вера теплится, плоть умирает,
Обнажая печаль одиночеств...

...Из Устюга ль идёт поверие,
Что волхвы передали чашу:
Вознесётся из тьмы и неверия
Крест мучений землицы нашей.

СВОБОДНЫЙ ПОЛЁТ. ПАМЯТИ РУДИ

*«Я танцую для собственного удовольствия.
Если вы пытаетесь доставить
удовольствие каждому, это не оригинально».*
Рудольф Нуриев

Обычный холодный день, и не в зиме здесь дело, просто я теперь твой вздох, твоя тень... погоняю пегасов меня несущих смело и жду рассвета с надеждой на судный день.

Небо пронзают шпильки протестантских церквей... ты мне нужен...ты мне нужна... короче, пока есть кто-то, с кем можно выпить горячий глинтвейн в пустых кафешках с витринами, похожими на глаза идиотов...

и не нужно смеяться над моим столь разборчивым телом, ему просто достаточно услышать простое спасибо, ведь всё, что написано кровью на листках белых, играет в твоих глазах сотнями граней и плавностью изгибов.

Я постою ещё на перекрёстке, выбрасывая из головы первозданный хаос страстей, заключённый в земные пределы, ведь мы помним, как возле страдальца распятого бесновались безродные невежды... я раньше боялся этой темы, окрашенной в мёртвенно красный... Ведь как ни крути, каждое утро я начинаю свободным, ещё не истерзанный днём и не обманутый улыбками... а вечером судьба раскрывает секреты неумного веселья, раскрашивая ошибки в перламутровый цвет усталым взмахом руки....

А когда вдруг Ангел ночи захочет удивить меня последним вздохом, и ты утром поцелуешь меня в холодные губы... на всякий случай предложи мне кофе, спрятав слезы за волшебными стёклышками... понимая, как были мы талантливо грешны в то время, когда вырывались из объятий толпы...

НА КУРОРТЕ БАРЕЖ

*Не жги сентябрьских дней барез,
Он сам нежарко отпыляет...*

Людмила Мигунова

Я улетаю в живой Париж.
Попал к подошве Пиренеев.
В пустой тайник мне чуждых ниш,
Где высь дрожит, и даль резвеет.

Где в ноябре уже не спишь,
От снега глубины немея.
А за окном такая тишь,
Туман, как призрак Асмодея.

Держу в руках лоскут бареза,
Он в этом городе рождён.
Из памяти, мне губы нежа,
Впитал он суету времён.

В гостях у восхитительной Людмилы
Читал стихи под шум дождя
Как прежде, умножая силы,
Воздушным слогом сентября.

НАМ, ПОТЕРЯВШИМ ВЗГЛЯД
НА ВАСИЛЬКОВОМ ПОЛЕ...

*Все, что нельзя купить, чудным небесным даром
Бог, если его попросить, нам посылает даром...*

Юрий Вакула

Продать стихи за льстивый голос, утешив собственное я...
да, это ведь из тех отбросов, что в лабиринтах бытия
снуют доверчиво, играя, ну, чтобы хоть взглянули раз,
но небеса ведь презирают фальшивый этот парафраз...
простите, это мысль поэта, который так не любит грязь,
он любит осень, что одета тем кутюрье, чьё имя — Страсть...
чьё окружение — восторги, где каждый вечер фейерверк,
где эти толпы посторонних к ногам бросают твой успех...
что дарят искренность улыбки, граничащей со словом зависть...
ведь иногда её ошибки... остановитесь... не исправить...
А нам, когда-то потерявшим взгляд на васильковом поле,
летом...
нам всем: услышанным, любимым, спетым...
я говорил уже, что нас несёт вперёд
без чуждых фраз «с оглядкой», «шаг навстречу»...

В НЕБЕСАХ

*Я — отражение от счастья...
Анастасия Кузьмичёва*

Пусть отраженья не померкнут,
Есть у любви страстной сезон.
Я сном и проклят, и отвергнут —
В непониманье свой резон.

Полёт. Паденье. Выбор смертных —
С мечтой растаять в высоте.
Покой дарует сокровенный
Одна лишь тяга к красоте.

Светились ангельские нимбы
Над тяжестью стальных оков.
Помеченные сердцем рифмы
Шуршали хором голосов.

Любой цветок, каким бы ни был,
Омыт смертельною тоской.
Ты сочини любую небыль,
Стесняя пение слезой.

ТИШИНА ВРЕМЕНИ

*Молчанием заснеженным
Тревожа облака...
Анастасия Кузьмичёва*

Опять звенит заснеженность.
Рука рисует кружево.
И только вьюг рассерженность
С улыбкою сконфуженной.

Я — колокол, ты — марево,
И я кричу простужено,
И чудо в душу всажено,
В жизнь вплетено заслуженно.

Из нашего ненашего
След на обоях прошлого,
Без лишнего и пошлого
И оттого прекрасного.

Я — ветка, а ты — зарево,
Стучусь я в счастье хрупкое.
Недвижим воздух. Замерло
В нас время неподкупное.

НОЧНЫЕ ПРОГУЛКИ

*Мы рисуем с тобой осеннюю Голландию,
влюблённых мальчишек в слезах и пилотках...*

Дмитрий Бушуев

А я намеренно запутался в страницах,
Читая между строк твои стихи.
Рисуем музыку, рождаемся в столицах,
Стремимся к подвигам, плодим грехи.

С высот Парнаса, с поднебесной кручи,
Сорвусь в пучину окаянных лиц,
Здесь ветер не разгонит злые тучи,
Здесь горе горькое, без счёту, без границ.

Здесь буду жить, держась кривых обочин,
Мне другом будет первый желтый лист.
Без поцелуев, но и без пощёчин,
Как новая страница, пуст и чист.

Работа днем, прогулки ночью темной,
Моё спасенье в хрупкой тишине.
Но лишь рассвет разбудит мрак бездонный,
Как Слово возвращается ко мне.

ОСЕННИЕ ШАГИ

*Ах, милая, я белый клоун злой
с картонною звездой посеребрянной...*

Дмитрий Бушуев

Листья опавшие — вестники осени,
Водят свои хороводы усталые.
Иней мы ждём уже с бликами проседи,
Чтобы успеть сделать самое малое.

Самое малое — счастье в объятиях,
Между чужих снегопадов кружение.
Вновь перед нами холодная стадия
Вьюжит лукавое цветосомнение.

Выжать пытаюсь весь смысл из понятия...
Разве не знал ты, что игры в реальное
Двух индивидов в любовных прижатиях
Только печаль, превращённая в главное.

Разве не знал ты, что только волнение
В мыслях нам пишет заумными фразами...
Я растворяюсь в своём поколении
Страшной символикой — злыми рассказами.

ПО ПРАВИЛАМ

*ни авторских ему, ни птичьих прав
не надобно — выносятся за скобку
владение простейшей из расправ:
червленый переплет — на переплав
завещанную ветошь — на растопку*
Елена Элтанг

Настроить ласковость своей руки на практике бывает очень сложно, особенно, когда толпы плевки стереть скорее просто невозможно. Под резкий жест — реальности строка... я вспоминаю след полозьев санок... вам не понятен смысл сего стиха, плохие знатоки живых приманок? И, кажется, нет видимых причин внимать игре безликих идиотов — пустым хабальством пичкают эфир, и часть людей уверует во что-то...

Одной тебе приходится понять, что день, закатный от рассвета — всего лишь моё право оставлять восход и кровь финального ответа. Уже мерцает признак сентября, и ожидание берёт отставку, жара... нет силы у дождя, а зря... природа предлагает эту ставку. Рулетка, верность, Кафка и печать смирения и гордости с утратой — проносят мир сквозь сети пошлых фраз, рассеивая мысли многократно, сплетают день из рыцарских забот...

и на листок кладу по белоснежной глади мешок проблем, собравшихся за год, торчит его хребет без позвоночных впадин... по правилам, не скопом и не врозь, не так, как бабка надвое сказала... вращается быстрее земная ось, ржавеют листья и гремят вокзалы...

СОГЛАСОВАННОСТЬ

*смеющийся снимаешь зиму
как власяницу — свищет плеть —
ты принимаешь боль как схиму
а мне — послушницей — глядеть
как ты распахиваешь щедро
февраль растегиваешь март...*

Елена Элтанг

Прожекторному миру остаётся слово,
И в неводе времён звучит знакомый стих...
Ночь кончится. Меня, ещё живого,
Созвездье унесёт в своей горсти.

Сквозь снег бросаю взгляд на лёд —
там незнакомый лик в венке терновом...
Но знаете... паденье или взлёт
лишь только миг, живущий в веке новом.

Стихи на выбор! Маг рождает слог,
а клоун шарики отпустит как печали.
Ведь кто-то мне напишет эпилог,
кто не остался лишним на причале.

О! Как беззвучный раздражает смех,
где жизнь устала обивать пороги...
Где должен доказать причастность всех,
и раны излечить убогим.

Так исторически ломается итог,
подсчитанный под тяжким грузом мыслей,
Что даже пуля не летит в висок,
а застревает в безответных письмах.

НОВЫЙ ДЕНЬ

*Я вырву лист из старенькой тетради,
Я нарисую солнце в уголке...*

Дмитрий Ермолович-Дацинский

Мой новый день похож на именины,
я вспомню всё сквозь толщу трудных лет.
Сегодня я гончар — из серой глины
леплю свой мир, запретов больше нет.

Простонет что-то флейта идиота,
оплачет явь на лобном месте дней.
Извозчик пьян, распахнуты ворота,
Возок осел под немотой гостей.

На сцене брошены остатки реквизита,
Любовь валяется в полшаге от кулис,
Дрожит, когда погашены софиты,
Негромкое роптание актрис.

Как в талый снег весенняя дождика —
Так память вниз падет с колосника...
Души моей родная половинка
Приходит вновь ко мне издалека.

Из детства моего живой картинкой
Ответит виноградная лоза.
Читает сказку с горькою улыбкой
Печальный мальчик — капает слеза.

Пусть мысль забудет краткий миг покоя,
Я и сейчас читаю Анну Франк —
Коленопреклонения героев
Достоин многофраз из горьких ран.

ДУША

*Трём Зимним Месяцам
Душа-красавица
За танцы с песнями
Навек понравится...
Дмитрий Ермолович-Дащинский*

Пока не каялась
Ночь опьянённая,
Душа измаялась,
Вся обнажённая.

Душа бессонная
Вся хвойно-зимняя.
Неприглашённая,
От взгляда льдинная.

Леса уж с просинью...
Душа-прелестница.
Под вдовьей проседью
Беды наместница.

Эх, счастье женское...
Сжимай распятие.
Могилка детская —
Жизнеотняtie.

Дороги, улицы
Ногами босыми
Шагают странницы
Молитвовёрстами.

Листвой заштопана...
Какая разница...
Душа растоптана
Судьбоприказчицей.

БАНАЛЬНОСТЬ

С.К.

*В любой ракушке в стенах грота,
Где мы любовь свою таим,
Найдешь особенное что-то...*

Поль Верлен

Банальности несложные мотивы
И радуги осенний листопад.
Для стен её я создавал картины
И обнажил деревья без прикрас.

Остатки слов ещё доселе живы,
Мы повстречались сотню лет назад.
Так долго тлеют старые напевы —
Безоблачное счастье, боль утрат.

Колосья нот, не собранные в поле,
Как музыка, звучащая в веках.
Ее словам и, видно, Божьей воле
Писал я фрески в храмах и дворцах.

Прикладывать строку к строке от боли,
Её нельзя продать или купить.
Лишает тело силы, разум — воли,
А люди просто продолжают жить.

ХРУСТАЛЬНАЯ НОЧЬ

*Боже мой! те звуки
Жизнь родит простая.
Кротко роицуют звуки,
Город оглашая...*

Поль Верлен

Труби в шафар, еврейская душа.
Пусть сердце наполняет мудрость майсов.
И дождь, скользя по крышам, не спеша,
Разбудит в памяти забытые романсы.

Придумываем сказки — каждый сам.
К ним музыку напишет листопад.
Есть в нашей жизни место чудесам,
На сказочный туман ноябрь богат.

Подарим сказку мы ночным ветрам,
Вдохнув прощаний сладкий аромат,
Тепла с прозрачным мёдом пополам.
Добавим бабочек, весны седой закат.

И море света брызнет в небеса
Так, что святые разом, невпопад
Нам запоют, меняя голоса,
О мудрости и про хрустальный град.

Пусть в волнах памяти звенит ночей хрусталь.
И пусть Король Зелёный* будет рядом,
Пусть в свете факелов померкнет вся печаль,
Что не даёт уснуть под звездопадом.

* Поль-Лу Сулицер «Зеленый король»

ПОЕЗД ЛЮДСКОЙ МОЛВЫ

*Кончились, Анна, все ночи бессонные,
Ангел на небо уносит без облика.
И одиночества стены холодные,
Ждут покаяния кисти художника.*

Павел Голушко

Вечер. Сомненья блуждают украдкою.
Поезд печально притих у перрона.
И на судьбу по-над кромкою шаткою,
Так безнадежно смотрели вагоны.

Рельсы шептали — живи безнаказанно.
Горько кривилась даль горизонта.
Горстью любви в твоём сердце приказано
В скорбные воды нырнуть Ахеронта.

Всполохи мыслей грозой сквозь безбожие
Вечным становятся наказанием.
Словно из снов мы с тобой непохожие,
Есть только душ одиноких касание.

Сделай одно перед Богом признание,
Призраки рядом в тиши невесомые,
Лишь у Него ты найдёшь понимание,
Чувства согреет твой Он бездомные...

Через года, презирая судителей,
Горечь слезы утирает рука.
По ветру пепел вокзалов-грабителей.
«Мама!» — мне слышится издалека.

ТВОРЧЕСТВО

*Бог не плохой художник,
просто он плакал,
когда рисовал мою жизнь...*

Павел Голушко

Когда Бог держит последнюю страницу жизни в своих пальцах,
нужно больше кислорода, чтобы она вспыхнула яркой искрой...

Дом, картины, рукописи и тигры на диване медленно тлеют,
отражаясь в осколках разбитых зеркал.

Оплавленные, раскрашенные мгновениями жизни осколки
превратятся в смальту.

И это будет новый материал в руках Творца, для его следующего
произведения, рождённого в одиночестве великого Ноя.

Минуты одиночества — это шипы роз, обращённые в твой
внутренний мир...

и даже это не предел тоски.

ВЗГЛЯД ЛЮБВИ

*С Нотр-Дам улетают Химеры,
унося в поднебесье слова.*

Ирина Александрова

Крылья можешь сложить, если что, протяну я ладони.
Наша Дама заре выставляет прекрасный фасад.
Как докучливых птиц с её башен никто не прогонит.
Так никто не изменит плывущий в тумане Монмартр.

Скоро ветер осенний завалит листвой подоконник.
Краткий миг — кто-то бойко торгует фиалкой с лотка.
Я букетик несмело вложу моей даме в ладони.
И сквозь время глядит Базилика на нас свысока.

ВРАЩЕНИЕ ПО КРУГУ

*...мы бредем и бредем по кругу,
на себя натываясь вчерашних.*

Ирина Александрова

То как ангелы, то как Боги,
То бросает в нас жизнь снежками.
И как призраки по дороге,
Мы бредём вслед за облаками.

Повстречавши седую рифму,
Мы плечо подставляем другу.
В звёздном прайде внимаем ритму...
Так нас жизнь вращает по кругу.

Пусть банальность к бумаге липнет,
У стихов бесноватые тени...
Этот мир был, наверно, из ливней,
Ведь усмешкам души - мишени.

Мы протянем рассвету руки.
И не будем молчать жеманно.
Вдруг манящее танго разлуки
Мы услышим с тобой неожиданно.

Вслед друзьям, уходящим в полночь,
И сто жизней пройдя параллельно.
Так сомнительна наша помощь,
Канут в прошлое безраздельно.

В свете нашей дороги лунной —
Нет её у судьбы на карте —
Ночь пришла... В тишине безлюдной.
Вспоминаешь ли звезды в марте?

ПЕЧАЛЬНОМУ ПУТНИКУ

Ты ушел в «никуда». Я осталась «нигде».

Ирина Александрова

Искупаюсь в прокисшем «нигде»,
Сделав шаг сквозь пустое «вчера».
Ведь гримасы врагов в темноте,
К сожалению, навсегда.

Я живу от тебя — вдалеке.
Наше право на встречу — в руках.
Прочь, депрессии призрачных дней,
Самолётом вернусь, в облаках.

Нас в пути охраняющий свет
Не погаснет в любимых очах.
И, как слёзы непрожитых лет,
Эполеты блестят на плечах.

ОНИ ИГРАЮТ...

*А как же быть, когда тебе
Любви обглоданные кости
Бросают так из-за стола,
Как будто ты не мира этого,
А незнакомец, что с утра
Попутал двор с попутным ветром...*

Леонид Губанов

сомнительно играют в творчество, а рядом мы, иного мира жители, рифмуем тайные пророчества, отвергнутые современностью... играем в прятки, маски путаем, нам вечно не хватает времени, дверной косяк давно распятием, часовой — будка привокзальная... любовь всегда грозит разладами... слова истертые, анкетные... но капли наступившей оттепели истошно выбивают Имя... а без него не сложишь строчку и не найдешь пути в пространстве... Но Имя повторю как заклинанье, из темноты проявятся слова, мучительно и буквенно прекрасные...

ОСТАВЛЯЙТЕ МЕНЯ

*Знаю я, что меня берегут на потом,
И в прихожих, где чахло целуются свечи,
Оставляют меня гениальным пальто,
Выгребая всю мелочь, которая вечности...*
Леонид Губанов

Оставляйте меня небесам,
Как горбушку беднякам встарь,
Чтобы я не покинул Храм
И остался в нём, как алтарь.

Оставляйте меня про запас,
Словно соль в предвоенный год.
Помня лишь про библейский наказ,
Не жалейте любви щедрот.

Оставляйте меня, как эскиз —
Я войду на века в словари.
Не ищите меня среди лиц,
Заполняющих ваши дни.

Оставляйте меня, как мысль,
У планет, что построились в ряд.
Пусть понятен им скрытый смысл,
Исполняющим свой обряд.

Оставляйте меня в крови,
Чтобы детям досталось то,
Чем душа не умеет кривить,
Видя в зеркале Бога лицо.

ОПЯТЬ БРОСАЮ В ПУСТОТУ СЛОВА...

*Моя звезда — моя глава,
Любовница, когда на плахе
Я знаю смертные рубахи,
Крахмаленные рукава.*

Леонид Губанов

опять бросаю в пустоту слова...
и пахнут сумеречной мятой твои льняные рукава...
и даже взгляд пчелиновзятый как скошенная поутру трава...

наденьте шоры, господа...

в глаза бросаются слова, и кажется, что нету смысла просить
лекарства у министра, когда его душа мертва...

наденьте шоры, господа...

уж скоро нам начнёт права качать любовница свободы — осень,
ей всё равно, а я на острова отправляюсь от балтийских сосен...
моё здоровье как вдова, чей монотонный плач несносен...

опять бросаю в пустоту слова...

и вновь слогами, стынувшими на морозе, я буду говорить
про переживших осень, оповещу вас азбукою Морзе
о том, что треснуло полуденное солнце... и не твоя вина,
что зритель казней ждет и угощенья... кому-то — жар,
кому-то — лёд, луна... ты всё равно придёшь без приглашенья...

опять бросаю в пустоту слова...

МУЗЕ

*Я — сотворивший Музу — вам,
Нагую Музу, без перчаток,
Ходившую по головам
И не искавшую печати.*

Леонид Губанов

Закрою двери за собой,
Сложив в суму любовь и нежность,
Дорогу застелю листвою,
Начав движенье в неизбежность.

А в окнах отблески огня,
В глазах остатки прежних страхов,
Быть там, где ты — увя, нельзя.
Доверюсь предсказаниям магов.

И пусть мелькают города,
И лишь душа пусть будет рада
Когда-нибудь услышать — да
Сквозь первый месяц листопада.

Восторги с грустью пополам,
Зимы кристальный отпечаток,
Наш затянувшийся роман —
Не прихоть, счастье, но остаток.

И по снежку искать свой дом
Бреду подвыпившим поэтом,
Мои стихи остаток догм
Напомнят мне на свете этом.

И нежностью опять делюсь
Кому-то скучной, кем-то взятой.
Конечно, старше становлюсь,
И время больше пахнет мятой.

Не думай, что легко в раю
Беспечно жить под небом ясным.
Я, веривший в мечту свою,
Знал, до чего она прекрасна.

Ты расстелила бы кровать
К тебе пришедшему скитальцу,
Конечно, не затем, чтоб спать,
Но что тут с пьяным разбираться.

Для большинства я просто был,
С азартом месяцы листая,
И город мой сквозь ливни плыл,
В загадках века утопая.

Я знаю, сам всему виной,
Не уживаюсь в тесной клетке.
Я с детства грезил синевой,
Завидовал птенцам на ветке.

Ты подойди ко мне во сне
И знай, мне снятся твои губы.
Я в новой, сказочной стране,
Где мы с тобою однолюбы.

ХУДОЖНИК

*...но из всех художников мира —
одного лишь во мне выделяя,
ты, как Жанна, за столь любимым,
и безумным идешь Модильяни.*

Светлана Кочергина

Нарисую себя пейзажным.
Но какие мне выбрать краски,
Чтобы был я, как гость миражный,
И глаза, как у Феи из сказки?

Я по локти раскрашу руки,
Птиц заброшу в бескрайние выси,
И бумажный кораблик разлуки
Отпущу по реке из истин.

Нанесу на ладони тонко
Сетку трещин — судьбы и жизни.
Нарисую себя котёнком,
Пусть играет с клубком из мыслей.

Звон добавлю Соборов древних,
Ожиданья мгновений длинных,
Ведь мечтаний я давний пленник
Средь стихов и преданий дивных.

Я добавлю кристаллы судеб
В пролетающий клин лебединый.
И ответом на сцене будет
Тусклый свет, силуэт балерины...

А закончу картину вокзалом,
Сквозняком на пустом перроне,
Боль сердечную выдам оскалом,
Громким стоном в пустом вагоне.

Я последним мазком в дороге.
Расставание капель грима
Упадёт на снег сквозь чертоги
Всех великих мужей из Рима.

ЧУВСТВУЮ СЕБЯ КОШКОЙ

*По утрам, белой ласковой
Кошкою
Я крадучись целую тебя,
мирно спящего...*
Светлана Кочергина

От кошачьих движений его,
цвета серого,
Млею.
Горы листьев ногой ворошит,
смотрит дерзко —
Робею.
«Ты и мыслей моих — не тронь», —
детство строго.
Довольно.
Так стегнуло враз по лицу
веткой-стоном.
Больно.
Но влечёт меня к нему,
как к несчастью.
Жутко.
И укроет, как крылом,
нас небо.
Влажно.
Дарит взглядом жизнь свою,
черным вороном.
Грустно.
А прижмётся щекой —
забываю всякое.
Тесно.

Сделай, чтобы не было горько
на сердце.
Безмерно.

ИЗОЛЬДА

*я пришел, словно принц заколдованный
в этом царственно-женском обличи.*

Светлана Кочергина

Я тебя обнимаю дыханьем
Среди сказок и детских обманов.
Иногда поцелуя касаньем
Приглашаю в шатёр из туманов.

Океаном бушует сознание,
Я паромщик, прикованный цепью.
И созвучье стихов — лишь признание,
Боль от строчки, как будто от плети.

Знаю: страшно одной просыпаться,
Когда тело страдает двулечьем.
Быть счастливой, хотя бы казаться,
Выпивая коктейль с безразличьем.

Изо льда и рябиновых ягод,
Создан твой удивительный образ.
Он мерцает в тени древних пагод,
Он важней, чем судьба или возраст.

МЕЧТЫ В ДЕНЬ АНГЕЛА

*Я тебя нарисую
Тайскими красками
В этой белой постели
Под сводом ласки моей
Светлана Кочергина*

Первый иней на траве остывающей осени подчёркивает
ни с чем не сравнимое ощущение тепла и уюта родного дома.

И ты пытаешься мечтать во весь размах своих мыслей.

Знаешь цену любви.

Стареющий, но ты веришь в чудо.

Детские мечты сбываются почти всегда, потому что маленькие
верят в сказки, а для взрослых это редкие исключения.

Ангелы прилетают за мечтами только один раз в году.

Дети не спят, ждут их, рассматривая на потолке причудливые
тени ночи, придумывая свои Страны Чудес, своих Карлсонов
с которыми вместе отправляются на крыши миров, пролетая
над развалинами сказочных замков и высокогорными
долинами.

Улетают на другие планеты, в гости к Маленьким Принцам,
продолжая собирать гербарий из сказочных героев, даря
своей памяти самые прекрасные минуты жизни.

Взрослые же крепко спят в это время...

Поэтому люди умирают, так и не успев дожидаться исполнения своей мечты.

И если моим мечтам не суждено будет сбыться, я нарисую тебя красками моря, на белой простыни, постелю её на кровать и лягу рядом, точно зная, что в следующей жизни мы будем вместе.

В СЕРЕБРЯНЫХ ЛУЧАХ

*Твоей рукой писал, конечно, Бог,
И по любимому лицу катились слезы.*

Алания Брайн

И если в порт вернутся только призраки кораблей,
может быть, тогда Ангел Петербурга покинет своё место
и отправится на поиски безумных команд сквозь шторма
всех морей, оставляя в воздухе невесомые очертания крыльев
и жестов.

Тогда закончится век заблудившихся в галактиках судеб,
и на земле, среди ансамблей мёртвых зданий, будет править
гениальный архитектор...

Стремительные потоки горных рек потекут вспять,
и нас больше никто не осудит, и пойдёт снегопад, как в старых
голливудских сказках, которые показывает волшебный
проектор... тёплый ветер подует на наши раны и промоет
их дождями, очаровывая инопланетных странников,
пришедших со звёздных полей... мы ведь часто слышим
их сбивчивый шёпот ночами, проваливаясь в сказочные сны
с воздушными замками и дивными зверинцами таинственных
царей.

Может быть, где-то уже родился человек без грусти,
без холодных улыбок и слов печали, смотрит на этот мир
глазами Бога, ведь отпущен на свободу со словом «лети»...
он скомкает фольгу жизни со словами — ТАКОВО МОЁ
ЖЕЛАНИЕ...

ПРЕИМУЩЕСТВО

*Я не тот, кто в феминной манере
привык делать нежные вещи...*

Алания Брайн

если вдруг... всё, что мы творим для других, исчезнет...
пусть скажут нам, что все наши действия — блеф...
ну, а мы попытаемся частично воскреснуть в знаках
зодиакальных... где доминирует лев... мы, выступая в защиту
задушенной песне... сломаем кисти, не дорисовав сотни картин,
зная единственное, что только мы... если вместе... сможем
сорвать маски, которые предлагает злой Арлекин...
и наши сердца, вздрогнув от очередной порции адреналина,
вспомнят, что любовь... наверно... единственная из величин
не подчиняется двуногоподобным в лимузинах... и выглядит
слишком убого среди выдуманных причин... это убивает
ангелов, заглядывающих в форточки... и старающихся
быть похожими на птиц, разбивающих крылья в кровь...
а мы смотрим на это... переписываем набело... загадывая
вспышки встреч, и вспоминаем... о чем говорил Маленький
Принц.

ДВУХ СКРОМНЫХ СУДЕБ...

*обнять виновно. в укрывшей тьме
соленый взгляд ощущая кожей.*

Алания Брайн

И где не согреть ни чай, ни шёлк,
принцы прекрасные в черновике
дрождю слезы, и под зуммер пчёл
перо лижет лист у тебя в руке.

Вспышками фар на цветном потолке,
день приходит печальным гримом.
Он низкий старт принимает в прыжке
к ней, неосознанно уловимой.

Собрать судьбу осколками разбившегося страха,
найдя проход меж творчеством друг друга.
Не стоит нам сжигать листы из альманаха,
как звенья цепи жизненного круга.
Всё к сроку сбудется, и встречи нас двоих
пока что отражаются во встречах муз во снах.
Ещё не написав свой самый лучший стих
о мире том в неразделённых небесах...
Взгляни в окно, увидишь моря там кусок,
и по нему ко мне плыви, как кровь по венам.
Собрав подарки на пути, что выдал Бог,
и сердце прирастив к великим переменам.
И вот тогда, с тобой вникая в Страдивари скрипку,
воспоминая тени, прочтёнными словами на досуге,
в распахнутые окна, написав немой постскрипту,
ворвёмся через привилегий верх, не забывая друг о друге.

БЕСЕДЫ НА КУХНЕ

*Мы тоже хотим по зеленым бульварам
В широких штанах, держась лишь за руки...*

Алания Брайн

И плач телефонный и новые люди
Запутались в вывесках и тротуарах.
Их стон возвращения в скучные будни,
Рассыпался бисером в маленьких барах.

Дела и заботы съедаются снами,
Ложатся на лист одинокой строкою.
Меняются с облаком в небе местами,
И с полуулыбкой нам машут рукою.

А мы продолжаем идти сквозь витрины,
Свой взгляд нагружая осенней пастелью.
Её добавляя в палитру картины,
Где время болеет сегодня смертельно.

Машины нам строят серьёзные мины,
И город забыл, что такое закаты,
Что делает дрозд возле кисти рябины?..
И только рекламы, плакаты, плакаты...

А мы выбираем присутствие Музы.
Встаём на колени к улыбкам любимых.
Рождаем мелодии ритмами блюза
И таем в объятиях неповторимых.

СОГРЕВАЯ ПАЛЬЦЫ

*Жутко бывает в маршрутках, когда подсознание играет фактами
Любой из прожитых жизней — что много теплее вашей.*

Алания Брайн

Просто так перейти в привычное
Из потерянного настоящего.
Обращая в записки личные
Всю реальность происходящего.

Уставая от сытой близости
В новогодних шарах ирреальности,
подавляя в себе брезгливость,
Сохраняя влюблённость в дальности.

Там в толпе в ожидании присказки
В нас минорно звучат тональности.
Лица девичьи, будто выставки,
Вновь лишённые оригинальности.

Бесхребетные, нежные мальчики,
И в глазах налёт обречённости,
Этих душ закрытые ларчики
Ни в кого не вселяют надёжности.

Всё паетки, колечки, цепочки...
Только завтра всё старше обликом,
Но спокойно ложится в строчки
Становясь то бесом, то отроком.

Словно символы сексуальности
Собираем осколки нежности.
Проклиная свои лояльности,
Растворяясь в судьбы безбрежности.

Время личное, время праздное
Улетает пушистым облаком.
Кровь, вино — всё одно, всё красное...
Опускаюсь в объятия шорохом.

СЛОВО МОЛВИТЬ...

*Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.*

Иосиф Бродский

Неизвестная рука убавляет звук музыки. Всё тише и тише...
Щелчок зажигалки. Треск сигареты. Из предложенного
количества букв нужно сложить слово...

Я не стал художником, не стал музыкантом, не остался
в медицине. Но я вырвался из твоих снов наперекор
одиночеству, с родившимся на губах словом — ненавижу...
Сколько лет прошло, сейчас только улыбаешься собственным
юношеским эмоциям и смущаешься выплескам ненависти.
Ненависть ушла, но возможность отомстить волнует
душу. Хотя, зачем? Ты и так теперь более чем жалок,
уже не привлекательный и расплывший, моё «ненавижу»
лишь усугубляет одиночество и ничего не может изменить
в твоей судьбе.

Живи дальше.

Время изменяет осязание, как и болезнь, направление которой
не знаешь, словно порыв ветра, силу которого не предугадать.
Я смотрю в монитор и не знаю какие следующие буквы наберут
мои пальцы. Свет Луны меняет цвет комнаты, но не меняет
мир вокруг, и миллионы глупых мыслей, превращённых
в лунную пыль, поднимаются к звёздам, раздражая Создателя.
Зажигаю свечи, и мой мир преобразуется, движения и мысли
приобретают форму смирения перед ровными огоньками,
плавающими воск. Губы шевелятся, и тишина превращается
в молитвословие, один на один с незримо присутствующим
в душе.

Величие слова состоит не из букв, оно состоит из ударов
сердца и движения всех клеточек организма, из выброшенного

белого флага, в дымке снов твоего прошлого. Из звука невесть откуда взявшейся флейты, неуверенно сжимаемой руками ребёнка. И это слово — не пыль, и, родившись, уже не принадлежит больше тебе.

Это слово становится вечным, как звёздный блеск.

Заботливо окружая себя такими словами, человек уходит от всего, чего он лишается с годами. Приобретая то, чего никогда не постичь большинству людей, живущих в узких рамках придуманного мира и старательно пытающихся расчесать всё параллельно и покрасить одинаково. И я иногда бываю горд за свою самостоятельность существования в этом мире, особенно, когда я доставляю удовольствие окружающим своими неординарными поступками.

И они будут говорить со мной своими словами в бешеном ритме бесконечно трудного времени. И будут неповторимы в своих улыбках и добрых взглядах, не обращая внимания на чечётку будней. И в этом потоке будет нестись самая лучшая часть человечества. Вне рамок. Вне границ. Вне орбит.
Вне Времени.

Я люблю этот водоворот жизни, он, как Чёртово колесо, как ловкий игрок в пинг-понг, отбрасывает стандартные стеклянные шарики на обочину, где от своей однообразности они приобретают серый цвет, бесследно исчезая в прошлом.

ПАЛИТРА

*И переживи век.
Переживи крик.
Переживи смех.
Переживи стих.
Переживи всех.
Иосиф Бродский*

1

Я говорю сейчас
Тленно, по простоте:
— Завтра не будет нас, —
И предаюсь мечте.

Счастье равно вчера
Сквозь полупьяный бред...
Вновь в казино игра,
Только терпенья нет.

Брось серебра в карман
И оплати рассвет.
Милый мой талисман,
Эхо тебе в ответ.

2

Эхо сквозь океан.
Кутаюсь в белый свет.
Вам не увидеть ран, —
В этом и есть секрет.

Низок мой пьедестал,
Шествуя по сентябрю,
Я восходить устал,
Кровью багрить зарю.

Лживых бояться жал
Мне не велит Господь.
Каждый язык — кинжал,
Ищет живую плоть.

3

Вам, палачи идей,
Серых теней конец.
Я же среди друзей
Свой примеряю венец.

Он — это свод небес,
Солнечный луч сквозь тьму.
Он — хоровод принцесс,
Космос размер ему.

Твёрдо чеканю шаг,
Ангел со мной, не бес.
Песня звучит мне как
Скрябина ре-диез.

4

Сквозь тополиный пух
И автострады пыль
Горло ласкает звук,
Верю, что это быть.

Боль... одиноко ей.
Ты одинок, Париж?
Что на закате дней
Даме своей звонишь.

Мне всё равно теперь,
Где подадут вино.
В кубке души твоей
Яду быть не дано.

5

Слышу пчелиный хор.
Делим сегодня кров.
Гонит постылый сор
Злейший из злых ветров.

Два, а не шаг вперёд,
И никаких прыжков.
Время меня ведёт —
Бойтесь его клыков.

Я не скажу — назад,
Этой команды нет.
Пёс мой не виноват,
Видит он солнца свет.

6

Милых сердец каприз,
Я в перекрёстке слов.
Мой театр без кулис,
Трупша из сказки снов.

Воск на часах. Антракт.
Книги. Сотни томов.
Стрелок зовущий такт
Сквозь витражи веков.

Дарит луна свой свет,
Облик меняет Туз.
Рок предлагает бред,
Жаль, герой не француз.

7

Мне голубой рассвет
Дарит песенный нерв.
Верный даёт совет —
Новый найти резерв.

Новый пишу концерт,
В вечность, сквозь серый цвет,
Тридцать стёртых монет
Брошу врагам вослед.

Вечности попрошу,
Руку прижав к Стене.
Я ведь для вас ношу
Его доброту в себе.

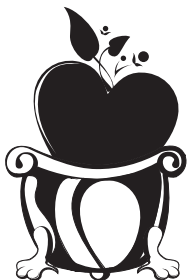
ЖЕЛАНИЕ ВЗГЛЯДА

*Послушайте совета скрипача,
Как следует стреляться сгоряча:
Не в голову, а около плеча!*

Иосиф Бродский

босая душа потерялась в песнях,
Мери хороша, только вот «если»...
если бы была,
если бы жила,
если бы ответные слова...
а моя судьба заблудилась в мыслях...
ах, мой милый паж, мне бы не охрипнуть...
именем твоим,
вереск и липа,
вторят небеса
сказками Эдипа...
и Оракул мне счастье предскажет,
эти бы слова, да в Арахны пряжу...
коконом любви...
Ангел ищет крылья,
первороден взгляд
зла в добро отныне...
правда небесам, кто ответит, Боже,
шелестит листва рифмами по коже...
ласковым лучом,
словно промежутки,
на моём плече
губы проститутки...
ты ведь знаешь сам, голод не ухожен,
но мои слова лишь земле дороже...
В лета смертный час
яд роняет осень,
я один сейчас,

вечер... ровно восемь...
восемь небесам облаков вечерних
дарит на закат золотой Сочельник...
трапезы елей,
песни колыбельны,
а поэт приходит мартовской капелью...

ГДЕ-ТО...

*девочка-память стоит у витрин и глядит на бельё столетья
и безумно свистит этот вечный мотив посредине жизни.*

Иосиф Бродский

Где-то в глубине сердца прячется бессмертие,
и хочется предложить ему воплотиться в крик,
способный сделать чёрную дыру или создать разрушение,
сотворившее в единый миг земаю Мидгарда...
или хотя бы в настоящее одиночество...
в смех осени, в туман, дождями умытый,
где не будешь пенять на отечество и судьбу...
где, оставшись вместе, переплетёмся корнями,
и руки подняв, как ветви, будем ими дирижировать
в отсутствие бурь, под музыку нежности из детства,
постепенно понимая, что становимся другими,
вспоминая великую тайну ухода без тени кокетства...
ведь только то, что отпущено нам, удержим в себе, заберём...
до остального не дотянуться, лишь до выси возможно,
обратившись в ангела на высшем суде
или просто в печаль, которую там не осмыслить...
это здесь подают по утрам поцелуи на блюдах
солнечных зайчиков, временно забывая,
что в глубине сердца, в мире хрустально-огненных бликов
кроме бессмертия есть ещё не одна закрытая дверца.

НЕСОВПАДЕНИЕ

«Ну, — сказал я, — это как Грета Гарбо в ванне»
Иосиф Бродский

В моей душе играет маленький оркестр
для тех, кто, как и прежде, верный друг.
Я слышу шёпот с самых дальних мест, фиксирую происходящее
вокруг.

Пусть неизбежны тяжкие утраты... Но истина объединяет всех.
Тавро на крупе, и в ушах караты, я вновь сплетаю в шторм, слезу
и смех.

Мы не совпали, да и как иначе, я соберу в ладони мягкий снег.
Я лишь словами становлюсь богаче, переживая двадцать
первый век.

Слова давным-давно известной песни глупее самой глупой
болтовни...
Ты мне лепечешь: может быть... а если... но позади самообманов
дни...

Зачем? Про гавань, про луну мелодий?.. Нам пересуды больше
не желанны,
Венеция из волн морских выходит, опёршись, словно Грета,
о край ванны.

ПЕРЕХОДЯЩИЙ В ПАМЯТЬ

*Я буду мерцать в проводах лейтенантом неба
и прятаться в облако, слыша гром,
не видя, как войско под натиском ширпотреба
бежит, преследуемо пером.*

Иосиф Бродский

День пронесется в болтовне бумажной, дождем шурша
и шелестя одеждой, и истрепав в стихах любовь отважно,
я промолчу, уж лучше слыть невеждой.
Виной пронумерованный однажды, привычным холодом
превыше слов, плевать на то, что изнывал от жажды, в пожаре
сладостных грехов...
Пусть ничего не видел сквозь раздумья, и не участвовал
в мистериях других, и светом звёзд спасался от безумья, искал
тепла: на день, на час, на миг.
Звучанье строк приравнивается к чуду, пускай слияния слогов
легки... гуляющему по проспекту люду я прокричу в отчаянье
стихи.
И волей судеб оборот медалей уже давно истерся, заржавел,
и тот, кто укорял меня моралью, сам в лужу неприкаянности
сел...
...и, может быть, за Солнце, за Луну
когда-нибудь отыщется ответ... пусть Ангел заберёт
меня с собою туда, откуда возвращенья нет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел 1. Вечерний Стокгольм

Вечерний Стокгольм	9
Сидуэты	11
Обречённость	12
Жанна д'Арк	13
Лето в Гётеборге	14
Ты не моя звезда	15
Сквозь жизнь	16
Вечер	17
Эмигрантам	19
Мы полетим вместе	20
Рисуем зиму	21
Стих-стерх	22
На окраинах честности	23
Виртуальная любовь	24
ДЕНЬ — НОЧЬ	25
Рождество	26
Любви почтовый ящик	28
Блуждание	31
И не в зиме дело	32
В полёте	33
Молитва שׁוֹרֵק	34
Портрет	36
Швеция	37
Читая Антона Павловича	38
Прогулки по памяти	39
Из прошлого	40
Где начинается море	41
Обещанное	42
Единожды солгав... ..	43
Прекрасное вокруг	44
Пейзажное	45
Стихи — это... ..	46
Расстояние взгляда	48
Лапландия	50
Пойманное взглядом	51
Смотря на снег	52
Промежутки времени	53
Сны перед Рождеством	54
Желание	55

Берегите стихи	56
Литургия	58
Не удаляя краски	59
Уходит осень	60
Новый шаг?..	61
Воскресный день	62
Выпал снег	63
Ещё немного	64
Поэтические миниатюры.....	65
Взгляд.....	67

Раздел 2. Письма издалека

Письмо друзьям	71
Мамина мама	72
Ты веришь в меня	73
Лучший друг.....	75
Мечта	76
Дирижёр	77
Танго Гашиш	79
Письмо	80
Русские евреи	82
Венеция	83
Осколки прошлого	84
Новогоднее	85
Друг	86
ВНЕ ВРЕМЕНИ	87
Андрею Найтову — вечному мальчику	89
Прощание с теплом.....	90
Храни мой портрет	92
Равновесие утраченных мгновений.....	93

Раздел 3. Диалоги

Холодно...	97
Не стоит забывать	98
Дорога в август	99
Белая ворона	101
Дора	102
Ты с нами живёшь...	103
Толчок Силы.....	104
Изюминка	105
Ожидая март	106
Мой Уитмен	108

Монолог алмаза, ставшего бульжником	109
Обида забывает боль	110
Юродивый	111
Свободный полёт. Памяти Руди.....	112
На курорте Барез	113
Нам, потерявшим взгляд на васильковом поле... ..	114
В небесах	115
Тишина времени	116
Ночные прогулки	117
Осенние шаги	118
По правилам.....	119
Согласованность	120
Новый день.....	121
Душа	122
Банальность	123
Хрустальная ночь	124
Поезд людской молвы	125
Творчество	126
Взгляд любви	127
Вращение по кругу	128
Печальному Путнику	129
они играют.....	130
Оставляйте меня.....	131
Опять бросаю в пустоту слова.....	132
Музе	133
Художник	135
Чувствую себя кошкой	137
Изольда	138
Мечты в День Ангела.....	139
В серебряных лучах	141
Преимущество	142
Двух скромных судеб... ..	143
Беседы на кухне	144
Согревая пальцы	145
Слово молвить... ..	147
Палитра.....	149
Желание взгляда.....	153
Где-то... ..	155
Несовпадение	156
Переходящий в память	158

Литературно-художественное издание

Павел Голушко

**ШВЕДСКИЙ ДНЕВНИК,
ИЛИ ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВУЮЩЕГО ПОЭТА**

Поэзия

Редактор: Георгий Бартош
Корректор: Екатерина Макаревич
Художник: Александр Монич
Вёрстка: Сергей Кондратенко

Подписано в печать 08.12.2010. Формат 84×108/32.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Garamond. Уч.-изд. л. 4,6.
Тираж 500 экз. Заказ 1888.

Частное издательское унитарное предприятие «Галіяфы».
ЛП № 02330/0150300 от 08.04.2008 г.
Ул. Брилевская, 11-44, 220039, г. Минск. E-mail: vish@bk.ru
www.by-books.org

Печать ТДО «Нова Прынт»
ЛП № 02330/0056647 ад 27.03.2004 г.
220047, г. Минск, ул. Купрэвича, 2.